

The background is a vibrant, abstract painting of the Kremlin's architecture in Moscow. The colors are bold and varied, including reds, blues, yellows, and greens. In the center, a golden Vitruvian Man figure is superimposed over the scene, standing with arms and legs outstretched. The figure is rendered in a simple, line-art style with a golden hue. The overall composition is dynamic and visually striking.

Кремлевский клад: Cosa Nostra в Москве

16+

Дмитрий Таганов

Дмитрий Таганов

**Кремлевский клад:
Cosa Nostra в Москве**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Таганов Д. Н.

Кремлевский клад: Cosa Nostra в Москве / Д. Н. Таганов —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

Находка ученого и корысть кремлевского чиновника неожиданно выявляют следы легендарной «подземной библиотеки» царя Ивана Грозного и тайника с двумя бесценными иконами Андрея Рублева, спрятанные в 15-м веке строителем Успенского собора в московском Кремле итальянцем Аристотелем Фьораванти. Однако попытки установить их местоположение в архивах Италии осложняются вмешательством мафии Cosa Nostra, посчитавшей этот клад своей собственностью по праву наследия от итальянца-строителя храма. Жестокими способами мафия узнает место клада, проникает в московский Кремль и похищает иконы. Но частный детектив Ник Соколов и в этот раз разворачивает кровавую историю и приводит события к неожиданному финалу.

Содержание

1. Субботним утром	6
2. Черкизов	8
3. В лихие девяностые	11
4. Тайники	14
5. Тоскана	19
7. Письмо кардиналов	27
8. «Дело» отца Серафима	32
9. Рубикон Сизова и Черкизова	34
10. В гостях	37
11. Миланская «семья»	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дмитрий Таганов

Кремлевский клад: Cosa Nostra в Москве

В отношении истории повесть следует точно установленным фактам. Однако персонажи, организации, современные события и обстоятельства являются художественным вымыслом автора и не имеют прообразов в реальности. Любые возможные совпадения являются случайными.

1. Субботним утром

Ранним субботним утром, после завтрака, я сел в кресло и развернул свежий журнал. В окна квартиры било летнее солнце, и мне хотелось поскорее сесть на свой мотоцикл и дунуть на нем подальше от Москвы, сотни за три, с ночевкой. Но плотный завтрак и свежий журнал с фотографиями двухколесных красавцев располагали к четверти часа ленцы в мягком кресле, и я не стал противиться желанию. Но цветной фото-мир мотоциклетных грез был вскоре разрушен телефонным звонком.

– Э... господин Соколов?

– Да, я слушаю вас.

– Здравствуйте, э... мне посоветовали к вам обратиться. Э... у меня проблема.

– Излагайте.

Я привык к таким звонкам попавших в трудное положение людей. У всех людей проблемы, но у тех, кто мне звонит, чаще не проблема, а настоящее горе. Я частный следователь, или детектив, – кому как нравится меня называть, зарабатываю я на свой хлеб нервами и головой, но иногда и кулаком. Те, кто мне звонит, потеряли часто голову из-за своей беды, потеряли и чувство реальности, поэтому приходится, как и любому врачу, быть с ними строже.

– Э... я не могу по телефону...

Это мне тоже хорошо знакомо. Но терять вагоны времени на встречи с теми, у которых потерялась кошка или изменяет муж, я не могу. Поэтому приходится нащупывать суть каждого такого звонка косвенно, чтобы выиграть время для тех, кому действительно тяжело.

– Бросьте, по телефону все можно, на то он и телефон.

– Э... я не могу... нет.

– Ладно, давайте так. Вам угрожают?

– Нет.

– Пропал кто-то?

– Нет.

– Сердечные дела?

– Нет.

– Слушайте, я очень часто помогаю людям бесплатно, когда мне их очень жалко. Но я должен когда-то и зарабатывать, и тогда я беру дорого. Очень дорого. Сколько вы получаете? – Так я иногда отсеиваю лишнее.

– Пятнадцать тысяч.

– В год или в месяц? Долларов или евро?

– Рублей. Пятнадцать тысяч рублей в месяц.

– Да-с... тоже деньги. Только очень небольшие. Тогда мне должно стать вас очень жалко, чтобы помочь. Мне тоже надо на что-то жить – разве нет? А вы не хотите даже мне сказать, в чем дело... Кем вы работаете?

– Я ученый, э-э... историк, специалист по Средним векам.

– В ваши средние века небось ученым платили больше?

– Больше. Но часто и сжигали на кострах.

– Но это вам, надеюсь, не грозит?

– Мне, вероятно, нет... Это грозит моей дочери.

– Вы сгущаете. Или торопитесь меня разжалобить. Я знаю криминальную статистику за последние десятки лет, – топили, закапывали, резали, рубили на куски и ели, – этого сколько угодно. Но ни одного костра – слишком хлопотно, и не по-русски.

– К несчастью, моя дочь не в России, поэтому ваша омерзительная статистика неуместна.

В его словах слышалась искренняя обида, и мне стало совестно – ведь что-то приключилось серьезное с его дочерью. Все равно я собирался выезжать, мог бы и взглянуть на этого историка живьем.

– Хорошо, господин ученый, специалист по Средним векам, вы меня заинтриговали, записывайте место нашей встречи. Через час успеете? Тогда до встречи.

– Алло! Не вешайте трубку! Я хочу вам только сказать, что не нуждаюсь в вашей жалости. Я вам заплачу столько, сколько вы скажите. И даже больше. И даже вперед. Любые деньги!

Я прибыл на место нашей встречи раньше назначенного, но никого там не встретил. Через полчаса я подошел к своему мотоциклу, сел на него, завел, послушал басовый рык «Ямахи», – но затем снова слез, вернулся и ждал еще полчаса.

Когда я выезжал из города, протискиваясь в субботних пробках, где-то внутри меня сидела и колола заноза. То ли я повел с ним хамски, то ли он был такой необязательный человек, или что-то было еще... Но когда я выбрался на свободное шоссе, открутил ручку до упора, встречный ветродуй вымел все лишнее из моей головы.

2. Черкизов

Черкизов пружинистой молодой походкой сбежал с лестницы, кивнул козырнувшему ему у входа лейтенанту кремлевской охраны, ступил на тротуар и зажмурился от яркого света: глаза с утра видели только прохладные сумерки его кремлевского офиса. Это была суббота, но Президент работал и по субботам. В этот день он собирал в Кремле совещание по общим хозяйственным вопросам, поэтому поступила команда из его администрации: быть всем на местах, могли потребоваться справки.

Черкизов провел субботу в томительном ожидании, но его справки в этот день не потребовались, и когда он услышал знакомый свистящий шум проносающегося по двору картежа с бронированным Мерседесом, он по телефону вызвал себе машину и стал спешно собираться. Он успевал, – в обрез, но успевал.

Глаза еще ломило от яркого солнца, но он по привычке кинул быстрый взгляд влево: купола кремлевских соборов будто горели золотом в темном синем небе. Черкизов снова зажмурился, нырнул в поданный ему черный «БМВ» и бросил шоферу: «В комитет». «БМВ» мягко просчитал шипованными шинами камни кремлевской брусчатки, нырнул в тень башни, слетел с Боровицкого выезда, и влился в общий поток.

Комитет по Стройнадзору находился от Кремля в получасе езды. Но, проезжая мимо станции метро, Черкизов легко хлопнул шофера по плечу и бросил:

– Здесь тормозни, я выйду. И жди меня у комитета.

Он подождал, пока его машина не скрылась из виду, затем поискал глазами вход в метро и присоединился к спешащей туда толпе: шоферу не следовало знать, где и с кем он сегодня встречался. Черкизов не спускался в метро лет пятнадцать, поэтому даже споткнулся, вступая на ленту эскалатора. В битком набитом вагоне, среди липких жарких тел, он поднял вверх голову, к потолку, чтобы не дышать лицо в лицо: его уже мутило от здешнего воздуха. Ехать было недалеко, и через остановку он буквально выскочил из вагона.

Черкизов поднялся наверх, вышел на улицу и сразу увидел около газетного киоска ждавшего его человека. Тот хмуро поглядывал по сторонам, в светлой футболке, в вельветовых, вытянутых на коленках джинсах, – примерно его же возраста, лет пятидесяти.

Они пожали друг другу руки без тени улыбок на лицах, но остро встретившись глазами.

– Пардон, на работе задержался. Когда прилетели?

– Вчера вечером.

– Ну, что там?

– Ничего хорошего.

Они молча побрели по улице, свернули во дворы и присели на скамейке пустой детской площадки.

– Так что там? – повторил вопрос Черкизов.

– Все плохо.

– Конкретнее можно?

– А конкретнее – ничего не изменилось. Дочка – взаперти, я копаюсь в архивах, и пока безуспешно.

Помолчали. Черкизову этого было достаточно. Теперь он молча ждал, что ему расскажет сам собеседник, без его нервных расспросов, с чем и почему прилетел он из Италии, зачем ему потребовалась это срочная встреча. Его вчерашний звонок был для Черкизова полной неожиданностью, и очень неприятной. Если бы такое было возможно, он бы вообще забыл навсегда об этой истории, никогда бы не встретился с этим человеком. К несчастью, забыть или изменить ничего было нельзя.

На этого ученого-историка он вышел сам с полгода назад, прочитав в журнале его статью об истории древних кремлевских соборов. И статья оказалась интересной, особенно ему, кремлевскому хозяйственнику, и, главное, он почувствовал тогда, что этот архивный червь поможет ему снова разбогатеть.

Наконец, историк прочистил горло и глухо сказал, глядя в сторону.

– Мне нужны деньги.

– Я перечислил причитающуюся вам сумму неделю назад. Вы их не получили?

– Мне нужно много денег. И нужны сегодня

– Зачем? Объясните. Что происходит?

– Я нанимаю частного детектива. Здесь в Москве. Он прилетит ко мне во Флоренцию.

– Вы с ума спятили! Они же вас предупредили.

– Они предупредили только про полицию. А это частное лицо.

– Какая им разница! Вы как ребенок! Вы хотите потерять вашу дочь?

– Я хочу ее спасти!

– Да как же этот детектив вам поможет с итальянской мафией!

– Я выдаю его за своего родственника. Попрошу разрешить ему жить у них на вилле.

Тогда с ней будет хоть свой человек, а не одни бандиты. Я не могу работать, когда подумаю, что, может, ее насилуют в эту минуту. Вы не понимаете этого? У меня буквы в глазах скачут, я ни один почерк в архиве не могу разобрать! Нет, вы не понимаете этого! – Последние слова он выкрикнул, и люди у соседнего подъезда оглянулись на них.

– Тише, тише, я все понимаю. Я вам очень сочувствую. Успокойтесь. Что-нибудь придумаем. Обязательно. Только успокойтесь...

– Вот я и придумал. Или вы можете что-то лучшее предложить?

– Вы им говорили об этом родственнике?

– Да.

– Неужели согласились?

– Да.

– Когда он прилетит, они посмотрят и пошлют вашего детектива подальше. Если не того хуже.

– Тогда я перестану работать. Я заявляю это и вам, потому что именно из-за вас мы с дочкой там оказались.

– Тогда они убьют вашу дочь!

– Тогда я сам убью их мафиозного «дона»!

– Это у вас никогда не получится. Не стройте иллюзий. Только себя погубите.

– Тогда я обращусь в полицию. Я напишу заявление в московскую прокуратуру, и ваша фамилия будет стоять в нем на первом месте! Потому, что благодаря только вам мы с дочкой оказались в этом положении!

– Не кричите. Прохожие вздрагивают. Где вы его нашли?

– Неважно. Посоветовали.

– Вы что, уже начали обсуждать свои проблемы, с кем попало?

– У меня нет другого выхода.

– Мы с вами так не договаривались.

– Мы с вами вообще о другом договаривались, господин Черкизов!

– Сколько вам нужно?

– Не знаю. Много. Он возьмет дорого. Потом самолет, отель, прочие расходы...

– Так сначала узнайте у него.

– В понедельник рано утром я улетаю обратно. Завтра воскресенье, и банки закрыты.

Нужно сейчас.

– Сколько?

– Двадцать тысяч евро. Не меньше. И, пожалуйста, не говорите, что у вас нет с собой банковской карты или что-нибудь еще. Вы, господин Черкизов, состоятельный человек.

Черкизов не удержался и игриво присвистнул. Даже такая сумма была для него теперь значительна. Но отказывать историку Сизову сейчас, когда тот был почти в истерике, было самоубийством. Без этих денег он мог пойти сейчас напрямик в прокуратуру.

– Ладно. Последствия будут на вашей совести. И, пожалуйста, не теряйте напрасно время. Каждый день теперь важен.

– В выходные дни архивы во Флоренции закрыты. Поэтому я не потерял пока ни дня. Я полностью отрабатываю то, что вы платите.

– Я не о том... я к тому, что у вас осталось меньше двух недель.

– Я все помню. Те люди не позволят мне это забыть. Как думаете, они действительно убьют мою дочь, если у меня не получится?

– У вас все получится. Вы лучший специалист по Средним векам на Земле. – И он добавил, с легкой улыбкой, – Из числа ныне живущих, конечно.

– Пока это не помогает.

– Идем ловить такси, а то банки закроют.

– Еще одно... Ему потребуется Шенгенская виза.

– Хорошо, пусть мне позвонит. Но только вы делаете страшную глупость.

В банке толстую пачку евро историк Сизов положил в полиэтиленовый пакет и понес его, как кошелку. На улице Черкизов пожал ему на прощание руку:

– Информировать меня электронной почтой. Но только намеками. Не отчаивайтесь, я скоро к вам прилечу.

Черкизов дождался, пока Сизов не скроется в толпе, поймал машину и поехал сразу домой.

3. В лихие девяностые

Но историк Сизов заблуждался. Заведующий строительным отделом в хозяйственном управлении Кремля Черкизов уже не был состоятельным человеком. Он почти все свои деньги растратил или потерял. Одно время он был очень богат, он был одним из самых состоятельных кремлевских чиновников. Но то было в девяностых годах. С тех пор в стране, в Кремле, и у самого Черкизова многое изменилось.

Это предприятие, – но его можно назвать и аферой, – которое сказочно обогатило горстку кремлевских чиновников, называлось «ремонт корпусов» и «реставрация Большого кремлевского дворца». Коррупционная сторона этого дела ныне хорошо известна, и каждый, кому интересно, может ознакомиться с подробностями в Интернете, набрав в поисковой системе несколько соответствующих ключевых слов. Более того, это дело середины девяностых до сих пор не закрыто, – во всяком случае, со стороны зарубежных правоохранительных органов. Время от времени появляется информация об аресте не только банковских счетов тех самых фигурантов, или их ближайших родственников, но также задерживаются и отсиживают по несколько месяцев в предварительном заключении за границей они сами. Там им предъявляют стандартные обвинения в отмывании денег, однако дела эти разваливаются и до суда не доходят, фигурантов отпускают с извинениями «за отсутствием состава преступления». По этой причине предполагать в этой повести что-то иное, то есть наличие состава каких-либо преступлений, естественно, также оснований нет.

Поэтому, излагая здесь некоторые стороны этого громкого дела, относящиеся к персонажу повести по фамилии Черкизов, более корректно придерживаться принципа «никаких фамилий и должностей». Однако, каждый, при желании, легко поймет «ху из ху».

Необходимость в реставрации Кремлевских дворцов возникла в начале голодных девяностых годов потому, что Кремль по прошествии нескольких веков вновь стал официальной резиденцией главы государства. До недавнего времени Генеральные секретари компартии со своими Политбюро, правившие страной три четверти века, комфортней себя чувствовали в просторных кабинетах своего ЦК, в нескольких кварталах от Красной площади. В кремлевских стенах только изредка собирались партийные съезды и сессии Верховного совета, изображавшего демократию. Собирались они в новом Дворце съездов, построенном на месте снеженных храмов. Оставшиеся же древние кремлевские здания весьма обветшали за советские годы. Однако новая Россия, получившая своего Первого президента, нуждалась в резиденции для него, соответствующей возрождаемому величию.

Реставрация Кремля началась с самого необходимого, потому что Первому президенту страны негде было в Кремле ни достойно присесть, ни достойно прилечь. Начали с реконструкции корпусов №1 и №14: под такими номерами значились здание Сената и царские хоромы. Напутствие от Президента чиновникам, взявшимся за срочный проект, было кратким: «чтобы было державно». Все поняли это так: чтобы было роскошно. Начавшие вдруг сразу протестовать представители от Минкультуры, ужаснувшиеся перспективе гибели исторических интерьеров, вскоре были вообще отстранены от участия в этих работах.

Поскольку для сюжета повести важнее коррупционная сторона этого грандиозного ремонта, упомянем лишь несколько фактов и самых крупных цифр. Причем, из-за того, что результаты проверки ремонта отечественной Счетной палатой были сразу засекречены, вспомним только то, что содержали обвинения прокуратуры Швейцарии в отношении нескольких российских граждан.

Перелицованный Сенат имел уже мало общего с тем, что в 1776 году проектировал Матвей Казаков. О роскоши отремонтированных покоев можно судить по расходам на закупку мебели: сумма только одного из контрактов достигла 90 миллионов долларов. Этот контракт

и обнаружили швейцарские правоохранительные органы, и он их просто поразил. Ни в одном дворце мира нет в наличии мебели на такую сумму. В домах самых богатых людей мира – у бизнесмена Била Гейтса и султана Брунея – стоимость интерьеров много ниже и не превышает 10-15 миллионов долларов США.

В январе 2000 прокуратура Женевы выдала международный ордер на арест управделами Президента, который обвинялся в хищении средств из государственного бюджета и доходов от продажи нефти.

"Было установлено, – пишет председатель обвинительной палаты Мартина Гейер, – что, заключив контракты о реставрации Кремля, компания Merkata Trading и господин Столповских обещали и перечислили комиссионные на сумму \$62,5 млн., из которых \$25 млн. получил Павел Бородин и его семья и более \$11 млн. – сам Столповских. Существует подозрение, что Павел Бородин, являющийся высшим государственным чиновником, лично обогатился, а также причинил Российской Федерации ущерб, эквивалентный сумме комиссионных, которые были вычтены из оплаченной стоимости работ. Комиссионные, полученные незаконным образом, пропускались путем сложных финансовых операций через оффшорную фирму Lightstar Low Voltage Systems (остров Мэн), служившую прикрытием. При этом Швейцария служила местом получения продукта коррупции и сокрытия его следов".

Однако ремонт двух служебных корпусов был лишь легкой разминкой перед грандиозным проектом реставрации Большого кремлевского дворца.

Сначала управделами собрал команду художников, архитекторов и отправился по самым знаменитым дворцам-музеям Европы перенимать опыт. "Я все смотрел – и Версаль, и Фонтенбло, и Букингемский дворец, – вспоминал Пал Палыч. – Но ничто мне не нравилось, а после осмотра папского дворца в Ватикане я так прямо сказал: "чистенько, но бедненько".

Когда же работа закипела, в ней приняло участие 99 фирм со всей Европы. В одно и то же время во дворце работало до двух с половиной тысяч человек. Но восстанавливали дворец на этот раз в строгом соответствии с оригиналом – точно так, как его задумал и отстроил в 1839 году Константин Тон. Восстановили даже кое-что из того, что было уничтожено в тридцатых годах: два тронных зала, с тронами – точными копиями подлинных царских.

Так на месте разрухи и запустения возникала неопишуемая лепота. Но лепота требовала денег, все больше и больше, причем не любых, а только твердой валюты, – рубль в те годы шатался и обесценивался за год многократно. Из воспоминания одного из бывших руководителей Минэкономики. «Приходит Пал Палыч и говорит: "Мне нужно в общей сложности 10 триллионов рублей" (около 2 млрд. долларов). Я говорю: "Пал Палыч, вы понимаете, у нас вся инвестиционная программа составляет 5 триллионов, никакая Дума это не пропустит, будет скандал". – "Ну тогда дай мне пять миллионов тонн нефти". Я согласился – куда денешься!»

Но нефти, этой российской палочки-выручалочки, на все тоже не хватало. Бюджетники по несколько месяцев не получали зарплату, шахтеры стучали касками по мостовой у Белого дома, пенсионеры стучали ложками в пустые кастрюли на площадях у мэрий своих городов. Поэтому для оплаты кремлевской лепоты решили печатать и продавать векселя. Подписывали эти векселя подчиненные Пал Палыча, продавали их частные фирмы, всем, кто пожелает их купить. Покупать эти векселя решались немногие, и только за смешные деньги, до половины от номинала. Так собирались последние сотни миллионов нужных позарез долларов для оплаты кремлевских контрактов. Но обеспечивал эти векселя, и, конечно, по полному их номиналу, госбюджет, и они повисли тяжким грузом на его шее, сыграв свою роль в дефолте девяносто восьмого года.

Так по обеим схемам – нефтяной и вексельной, – на ремонт выручили сумму, в разы превышающую сметную стоимость проекта. И все равно денег оказалось мало. Реставрационным мастерским деньги задержали почти на год, и реставраторы получили зарплату уже после

дефолта, вчетверо полегчавшими рублями. Десяткам иногородних рабочих и вовсе не заплатили.

Сколько нефти, векселей и твердой валюты утекли из страны в широкие карманы частных фирм никто и никогда теперь не узнает. И уже не надо. Российский народ легко прощает. Уж если он простил в те же девяностые годы коммунистам, за их семидесятилетний террор против своего народа, то уж несколько миллиардов чужой валюты своим же чиновникам...

Но с окончанием кремлевского ремонта неприятности у Пал Палыча только начинались. В начале 2001 года, приехав в США, он был арестован и заключен в следственную тюрьму: по требованию Швейцарских властей. Интерпол, оказалось, всерьез его искал. Через три долгих месяца его экстрадировали в Швейцарию. Там ему было предъявлено обвинение в отмывании незаконно приобретенных средств и постановление о временном содержании в предварительном заключении на период следствия. Бородин на допросе полностью отрицал свою вину. Вскоре обвинительная палата Женевы приняла решение о том, что Павел Бородин будет освобожден из швейцарской тюрьмы под залог в 5 миллионов швейцарских франков (около \$3 млн.) наличными: Швейцарская прокуратура инкриминировала ему теперь только отмывание денег. 13 апреля 2001 он вернулся в Россию.

Впоследствии были еще эпизоды с арестами зарубежных банковских счетов российских чиновников и их ближайших родственников в прямой связи с кремлевским ремонтом. Но обвинений иностранных прокуратур, свидетельств лиц с двойным гражданством и слухов, — этого всего мало и недостаточно, чтобы называть кого-то некрасивыми словами, — ведь ни один суд над фигурантами кремлевского дела девяностых годов так и не состоялся.

Зато здравый смысл, понимание чисто российской чиновничьей механики и недавней истории подсказывает, что обвиненный Швейцарской прокуратурой управделами Президента был лишь третьестепенной фигурой, над ним стояли и первые, и вторые кремлевские лица. В частности те, которые уже через несколько лет были внезапно, без объяснения причин, отстранены от должностей Президентом. Те миллионы долларов, о которых стало известно швейцарской прокуратуре, просто не могли все остаться в карманах только одного чиновника. Не исключено также, что таким способом собирались деньги на президентскую предвыборную кампанию, и часть этих миллионов оказались потом в получившей широкую известность «коробке из-под ксерокса», изъятой охраной при выносе из Дома правительства. Возможно, этим и объясняется то рвение, с которым власти освобождали Пал Палыча из застенков американской и швейцарской следственных тюрем. Поэтому если какие-то крошки и прилипли к карманам Пал Палыча, то это совершенно не стоит того шума вокруг его фамилии, особенно если учесть результат: Юнеско признало ремонт Кремля в девяностых годах самой масштабной реконструкцией двадцатого столетия. Одна известная поэтесса, после посещения дворца, так выразила свои чувства: «слово "лепота" больше всего подходит к тому, что мы видели сегодня в Кремле. Я в полном восхищении!»

4. Тайники

Черкизов родился в Магадане, в немолодой семье бывших ссыльных, оставшихся доживать свой век в столице колымского края. Ссыльные долго не живут, особенно в тех краях, поэтому Черкизов их почти не помнил. Вырос он в детском доме.

С самого детства Черкизов был шустрым малым. Учился плохо, но мог и значительно лучше. Хулиганил много, но обошелся без «приводов». После школы поступил в строительный техникум. Здесь учеба его заинтересовала, он стал тут одним из лучших, и по окончании был распределен в «хорошее» место – в город Якутск, на стройки алмазодобывающих предприятий.

В начале восьмидесятых тут был строительный бум, людей не хватало, и Черкизов быстро вырос – от техника до прораба и начальника участка. И хотя он оставался холостым ему выделили отдельную квартиру в старом семейном бараке.

Город Якутск небольшой, все работающие люди на виду, особенно на важных стройках. В самом конце восьмидесятых, когда появились первые кооперативы, и началась «перестройка», Черкизов привлек внимание нового мэра города. Это сыграло решающую роль в его дальнейшей карьере. Мэр Якутска через несколько лет уже работал в Кремле и стал правой рукой по хозяйству Первого президента страны.

Как сам Президент предпочитал тогда свой ближний круг из земляков-сибиряков, так и его управделами, когда началась грандиозная кремлевская стройка, начал вспоминать всех энергичных и лично приятных ему людей из сибирской глубинки. Так однажды в начале девяностых на якутской стройке, в тот самый момент, когда Черкизов стоял по колено в оттаявшей вечной мерзлоте, к нему подбежал запыхавшийся бригадир: к телефону в бытовке Черкизова вызывали из самой Москвы.

Звонили из управления делами Президента. Времени на церемонии и прошупывания в те годы не было, и после нескольких вводных слов последовал главный вопрос:

– Хочешь в Москву?

– Хочу, – ответил Черкизов, лихорадочно соображая, откуда в Кремле могут знать его самого, и номер его телефона.

Столица ошеломила Черкизова. Он одновременно почувствовал себя и очень значительным, особенно в кремлевских стенах, и мелкой сошкой, когда узнал, какими деньжищами тут ворочают. Сам город ему понравился, – зеленый и, в общем, доброжелательный, клокочущий энергией, но из-за всегдашней толчеи народ нервный и поэтому хамоватый. Вскоре Черкизов женился на москвичке. Жить стали в просторной квартире в доме сталинской постройки, доставшейся жене от родителей. Через год родилась дочка.

Первый год Черкизов работал в Кремле на подхвате. Никаких контрактов сам не подписывал, в офисе не сидел, а по привычке сам вкалывал на ремонте первых корпусов. Все изменилось после того, как управделами взял его в ознакомительную поездку по дворцам Европы. Версаль, Фонтенбло, Ватикан... Черкизов вернулся оттуда другим человеком, – и внутри, и по своему новому положению. На разворачивающейся стройке реставрации Большого кремлевского дворца Черкизову было доверено заниматься деревом.

Дерева тут было очень много: сотни высоченных оконных рам и дверей из Германии, тысячи квадратных метров паркета из Италии. Наборный паркет с инкрустацией из 26 пород ценного дерева, – тоже из Италии, а именно – из Флоренции. Не всем заведовал Черкизов, но достаточным, чтобы итальянские подрядчики, при встрече с ним, расшаркивались и лебезили.

К этому времени Черкизов не столько знал, сколько чувствовал все схемы, по которым могучие денежные потоки отводились по сторонам и по карманам. Он никогда не был особенно жаден, или охоч до богатства или роскоши, но у него появилось некоторое любопытство к большим деньгам, а потом и «спортивный» интерес. Возможности начали появляться

сами, без малейших усилий с его стороны. Подрядчики, а их было у него до десятка, то ли сами были такими «порченными», то ли считали всех здешних чиновников именно такими. Поэтому их намеки были очень прозрачными, а суммы, по понятиям молодого Черкизова, – фантастическими.

Свои два миллиона долларов «отката» Черкизов сумел получить от итальянских подрядчиков, почти не поделившись даже со своими вышестоящими. Это было трудно, но важно для Черкизова, и вовсе не из жадности. Он не верил с самого начала, что их воровство с «откатами» никто потом не раскопает. Ему вовсе не хотелось возвращаться на свою родину, да еще на другую сторону от колючей проволоки. Поэтому ни одна его итальянская лира, ни один его американский доллар не пересекли тогда российскую границу. «Откаты» зачислялись только на зарубежные счета, открытые только на имя его жены.

За два года реставрации дворца Черкизов ближе всего сошелся с итальянским подрядчиком – краснодеревщиком из Флоренции. Сколько было вместе выпито за это время тосканского кьянти и русской водки! Но только в конце работ, когда стены дворца уже сияли золотом, а паркетные полы лаком, между ними состоялся внешне незначительный, но очень важный для последствий разговор. Флорентийский паркетчик попросил Черкизова посодействовать в получении разрешения у кремлевских музейщиков на обмер стен и куполов. Но не дворца или корпусов, где они работали, а Успенского собора Кремля, постройки пятнадцатого века, прекрасного здания времен Ренессанса, усыпальницы патриархов, – не имеющего никакого отношения к реставрационным работам.

– Очень пожалуйста, Леня, – говорил Черкизову флорентинец, – нам это очень нужно, это для истории, это ради уважения: ведь его построил наш земляк.

Слегка удивившись и пообещав, Черкизов в тот же день «проветилировал» этот вопрос со знакомым музейщиком, а вечером и сам навел справки по Большой энциклопедии и туристским буклетам. Так он впервые узнал фамилию архитектора и инженера из Италии, Аристотеля Фьораванти, творца Успенского собора. Удивительная судьба этого человека, жившего полтысячелетия назад, самым необыкновенным образом окажется связанной с его личной, и приведет через двадцать лет к трагической и кровавой развязке.

Но тогда Черкизов особого значения всему этому не придал, договорился с комендантом и музейщиком-хранителем Собора, и запросто, по телефону, сообщил об этом флорентинцу. Задерганный делами по сдаче объектов, он забыл обо всем, и только через неделю ему напомнили об этом. Его нашел тот самый музейщик, отозвал в сторону и вполголоса спросил с явной тревогой:

– Почему ваш итальянец простукивает наши стены?

– Он их измеряет... Он просил только это.

– Он стучит по стенам! Много стучит и мало меряет. Что он в нашем Соборе ищет? Я потребовал, чтобы он немедленно прекратил. Но из уважения к вам никому пока не сказал.

– Спасибо... – ответил озадаченный Черкизов, – я вам обязан. Я этого не знал. Простите... больше не повторится.

Более этот вопрос не всплывал до конца работ и их прощания. И сам флорентинец молчал, и Черкизов предпочел его не расспрашивать. Так это и забылось на некоторое время.

В девяностые годы впервые проявилась тяга деловых и чиновных людей вести важные переговоры в бане. Сказывались и сибирские обычаи, понятные и родные многим кремлевским чиновникам, и реальные важные преимущества. В голом виде создавалась иллюзия искренности и откровения, на голом теле невозможно было укрыть записывающее устройство, чтобы получить компромат. А еще, важный разговор в бане сопровождался всегда выпивкой, и предшествовал еще большей выпивке, поэтому в случае чего, можно было попытаться отбояриться и отказаться от своих слов, сославшись на беспамятство.

Именно так, в бане, происходило расставание Черкизова с одним из его крупных итальянских подрядчиков по паркету. Вернее, оно так начиналось, а заканчивалось в обществе их супруг в ресторане на двадцать первом этаже ныне уже не существующей гостиницы «Россия».

Флорентинец, как южный человек, к русской бане относился с прохладцей, но перед отъездом сам предложил Черкизову заглянуть туда перед рестораном. Он тоже ценил преимущества разговоров в голем виде. Пили коньяк и кьянти, но понемногу. Наконец флорентинец хлопнул мокрой ладонью по плечу Черкизова и широко улыбнулся.

– Дорогой Леня, мой большой друг, перед отъездом я хочу тебе кое-что сказать. Но сначала – извиниться... за ваш собор.

– Э... брось! – отмахнулся Черкизов. Он не любил не только говорить, но даже вспоминать про свои «ляпы».

– Некрасиво тогда получилось... Уж ты меня извини. Надеюсь, тебе не попало... Но только я хочу тебе сказать опять про этот собор.

Черкизов повернул к тому голову, ему становилось интересно.

– Послезавтра я улетаю на родину, и никогда, наверное, не вернусь в вашу добрую страну, и поэтому я тебе все расскажу сейчас. Ты будешь единственным в этой стране, кто узнает об этом. Во всяком случае, – первым. Слушай. В вашем Успенском соборе есть тайник.

Флорентинец откинулся назад, молча наблюдая за Черкизовым, оценивая произведенный эффект. Но ожидаемого эффекта он не увидел, потому что Черкизов догадался об этом сразу после неприятного разговора с музейщиком. Черкизов только кивнул и криво усмехнулся: его мало интересовали клады и чудеса, он верил только в реальные дела и в наличные.

– Ты мне не веришь? – искренне удивился флорентийский паркетчик.

– Отчего же... Очень возможно. Тут, в Кремле, где ни копни – девять веков истории и кладов. Так что – вполне.

– Тебе это не интересно?

Теперь Черкизов хлопнул мокрой рукой по плечу флорентинца:

– Интересно. Валяй.

– Я говорю, в Успенском соборе есть тайник. Устроил его архитектор Фьораванти.

– Что там?

– Кое-что.

– Горшок медяков?

– Подороже будет.

– Ты знаешь что?

– Кое-что...

Черкизов проработал с флорентинцем почти два года, получал от него суммы со многими нулями, они выпили за это время ящики кьянти. Поэтому всякие осторожности и околичности были давно не нужны.

Черкизов налил себе еще кьянти и пригубил.

– Что же ты от меня хочешь?

– Я уезжаю, а ты остаешься. И тебе это удобнее.

– Хочешь, чтобы я там ползал с металлоискателем?

– Металлоискателем это не возьмешь.

– Что там?

– Кое-что.

– Что же ты ничего не нашел? Я ведь тебе все устроил.

– Не так это просто.

– Сколько это стоит?

– Нулей не хватит. В сотни раз больше, чем ты от меня получил.

– И что мне надо делать?

- Пока – только согласиться.
- А потом?
- Потом только впустить туда и выпустить. Наши люди все сделают сами.
- Битый кирпич они тоже сами выметут, или мне это делать?
- Ты получишь пять миллионов евро. За эти деньги сам сообразишь, как убрать за ними.

Половину денег получишь вперед.

Флорентинец сверлил темными глазами лицо Черкизова. Но тот спокойно попивал свое кьянти. С его губ не сходила ироническая усмешка. Ничего из слов флорентинца его серьезно не удивляло. Даже сумма в евро со многими нулями, – потому, что он до сих пор не находил применения и тем, что у него были.

Не удивлял Черкизова и кладоискательский азарт этого темпераментного итальянца. Разумеется, тот мог иметь сведения, что и где запрятал его земляк почти шесть веков назад на земле полудиких славян, это было вполне вероятно. После своего «ляпа» с музейщиком Черкизов копнул глубже про архитектора Фьораванти, – благо, здесь, в Кремле, материалов про него и про его собор было предостаточно. Оказалось, у архитектора из Болоньи была настоящая страсть к загадкам и тайникам. Самый большой его тайник виден за километры, из любой точки центра Москвы. Это центральный купол его прекрасного собора. Купол шире не только четырех соседних, угловых, он шире и отверстия, на котором построен, – на целый метр. В этот узкий, но очень длинный коридор, – во всю окружность купола, – можно было в случае опасности или волнений заносить все ценности собора – сотни килограмм золотого и серебряного убранства. Монашеская братия это неоднократно и делала все шесть веков: народные толпы с кольями и захватчики с алебардами носились по кремлевским площадям регулярно.

Еще один масштабный тайник архитектора Фьораванти, упоминаемый в летописях, и не найденный до сих пор, известен под именем «Подземная библиотека Ивана Грозного». Предполагается, что эта библиотека также была построена по проекту Фьораванти, но где она, и какие бесценные книги и рукописи в ней находятся, неизвестно по сей день.

Черкизов поставил свой бокал на мраморный столик и изменил выражение своих губ – с иронического на презрительное. В том, что он услышал сегодня в бане от флорентинца, он видел только криминальную авантюру. Это был не его стиль. Он всегда держался от такого подальше. И теперь он знал, что ответит итальянцу на его предложение: твердое «нет». Но узнать что-то напоследок было полезно и интересно. Если итальянцы так ищут этот клад, то наверняка то большая ценность, и грех было не отличиться и не использовать этого для своей кремлевской карьеры. Поэтому он небрежно спросил:

- Место знаете? У вас все готово?
- Нет.
- Тогда какого хрена ты торопишься?
- Потому, что я уезжаю.

Черкизов сделал вид, что колеблется. Он был от природы умным и хитрым.

- Я тебе ничего не обещаю, но... В общем, мне надо знать, что там лежит, в этом тайнике.
- Я не могу... Я в этом деле не главный.
- Не можешь, – тогда не говори.
- Леня, я не могу...
- А знаешь?
- Да.
- Ну все, забудем об этом, поехали в ресторан, наши жены заждались.
- Постой. Ты согласен, в принципе?
- Не знаю. Не обязательно. Возможно, и нет. Но никому об этом не скажу. Это я тебе обещаю. Поэтому можешь рискнуть и все мне рассказать.
- Ладно. Только чтобы никому.

- Я уже тебе сказал.
- В этом тайнике... две иконы работы Андрея Рублева.

5. Тоскана

Самолет чартерным рейсом Москва – Римини приземлился в десять утра по местному времени. У историка Сизова не было багажа, и с сумкой через плечо он поспешил из заграждения паспортного контроля напрямиком на выход.

Тут он все знал, – уже по разу прилетал и улетал. Но проблемой стало то, что поезд Римини – Флоренция уже ушел, а следующий, по расписанию, был только вечером, и надо было что-то придумывать. Возможно, любой другой командировочный только бы обрадовался такому раскладу. Римини – фешенебельный морской курорт на Адриатике, с километрами широких и веселых пляжей, где можно хорошо скоротать время до поезда. Но не для Сизова.

Сизов не мог бы вытерпеть сейчас в бездействии и часа. Он впервые оставил свою дочь одну в руках тех людей. Позвонить ей по телефону было невозможно: мобильная трубка была у нее давно отобрана, а приближаться к другим телефонам или к Интернету ей было под угрозой запрещено.

Сизов подбросил на плече легкую сумку, – только, чтобы убедиться, что сверток с деньгами на месте. В свертке были остатки денег, полученных от Черкизова, – больше, чем Сизов предполагал, могло у него остаться. Частный детектив, которого он нанял, или вернее сказать, которого он упробовал заняться своим несчастьем, взял только на расходы и за две недели вперед. Положить оставшиеся деньги в банк в воскресенье было невозможно, и Сизов бросил этот полиэтиленовый сверток в сумку.

Сизов подошел к офису компании «Авис» – аренда автомашин, – и нагнулся над окошком. В других обстоятельствах он не стал бы брать машину в чужой стране, – не из-за прижимистости, а из-за врожденной совковой боязни поломок в дороге: в его бывшей социалистической стране сервис отсутствовал напрочь. Но торчать на этом курорте до вечера, с деньгами в сумке, было чересчур для его измотанных нервов.

Поэтому Сизов оформил аренду самого простенького «Фиата», с возвратом машины во Флоренцию. Пока девушка вводила данные с его российских водительских прав в компьютер, он начал изучать карту Италии, полученную с договором и страховкой. Ему предстояло километров шестьдесят вдоль моря по скоростной платной магистрали, затем влево, в горы, перевалить Апеннины, перерезать итальянский «сапог» на две трети и спуститься в прекрасную Тоскану.

Сизов повернул из аэропорта влево, как ему сказали, затем еще влево, и за деревьями мелькнули древние мраморные ворота императора Августа. Робко прижавшись в правый ряд, Сизов двигался с потоком – он плохо представлял себе, как выехать на платную магистраль. Но вот дорога резко расширилась, и впереди замелькали светофоры с воротцами. Историк начал спешно шарить по карманам, потом полез в сумку, – он забыл подготовить мелкие евро. Но евро тут не потребовались: из автомата вылез для него картонный билетик с номером. Сизов потянулся за ним в окно, сорвал его и нажал на педаль газа. И сразу закрутился на лепестках развязки, – вокруг свистели на больших скоростях спешившие на промышленный север и на аграрный юг. Сизов по обочине подполз к зеленому щиту карты и остановился: ошибка на этой развязке могла обернуться для него десятками километров гонки в другую сторону, без всякой возможности развернуться.

Налево – в Рим, направо – в Болонью, а далее в Милан. Сизов выбрал Болонью. Он выбрал ее потому, что тот самый архитектор Фьораванти, который строил в Кремле собор, был родом именно оттуда. Из-за него и начались у историка Сизова все его несчастья. Все, что он читал в архивах своими близорукими глазами последние недели, было связано с этой фамилией. Но все архивы, записи и чертежи, – самого архитектора и его потомков, – давно уже находились по-

соседству, во Флоренции. Поэтому Сизову через шестьдесят километров предстояло свернуть налево, в горы, и там проехать еще двести с лишним километров.

Сизов так и плелся в правом ряду, пристроившись за пыхтевшим фургончиком, изредка вздрагивая от пронесившихся слева итальянцев. Проехав почти полсотни километров, он с ужасом отметил, что с этой супердороги не было ни одного съезда, ни одного разворота, – только со свистом прямо. Уж он боялся, что доедет до самой Болоньи, и не будет съезда и поворота.

Так он и ехал, вцепившись в руль. Единственное, что отвлекло его, и даже заставило покрутить головой, – синяя табличка «Рубикон». Если бы он не был историком, то проскочил мимо, не обратив внимания. Но он-то знал, что это за речка. Юлий Цезарь две тысячи лет назад перешел ее вброд со своими когортами, и навсегда решил свою судьбу, отрезав путь назад. То событие и родило крылатое и известное на всех языках выражение.

Историк резко нажал на тормоз и закрутил головой. Но моста нигде не было, за стальными барьерами виднелось лишь болотце. Это был тот самый Рубикон, но он давно был разобран по виноградникам, и только жалкие остатки благородных вод сочились в трубе под бетонном дороге.

Сизов облизнул сухие губы и прибавил газу. Речка была уже далеко сзади, его личный Рубикон был тоже им пройден, – не сегодня, а еще в Москве, несколько недель назад.

К большому облегчению Сизова, за несколько километров до поворота на Флоренцию начались предупреждающие указатели. Потом многоярусная развязка, воротца с будками для оплаты, согласно полученным билетикам, – и свобода. В горы, на перевал через хребет Апеннин, шла далее узкая извилистая дорога.

Солнце прогревало утренний воздух, и в окно машины вливались ароматы итальянского лета. Натянутые нервы Сизова начали понемногу расслабляться: через четыре часа он увидит свою дочь; завтра снова примется за работу; через неделю, или самое позднее, через две, он отыщет в этих архивах недостающие документы. Тогда они с дочерью вернутся в Москву, а он даже с потрясающими новыми историческими фактам, найденными им попутно в архивах.

Дорога становилась все уже, повороты круче, начались густые леса, потом скалы, и – перевал. Тут смотровая площадка, флаги всех стран и множество мотоциклистов. Сизов, сам не зная того, находился в раю: не для всех, а лишь для особых рискованных людей, байкеров. Горные серпантины, неизменное солнце, сухой и свободный асфальт, расстилающиеся во все стороны тосканские красоты и запредельные скорости: байкеры представляли рай только таким. По всей длине этого рая, но чаще на поворотах, белели на обочинах мраморные обелиски с завядшими венками: в память об открутивших правую ручку руля чуть дальше...

Сизов остановился, вышел из машины, чтобы размяться, и подошел к ограде. В синеве, за холмами тосканских виноградников угадывалась светлая полоска черепичных крыш и куполов соборов Флоренции. В мрачной тяжести на душе Сизова, как луч солнца из-за черных туч, блеснула робкая радость: «Это перевал, теперь будет только лучше и лучше...».

К Флоренции Сизов подъезжал к концу дня. Перед самым городом у него стал заканчиваться бензин, но удалось дотянуть до заправки. В воскресном безлюдье и тишине касса оказалось закрытой, тут было только самообслуживание, по картам или монетам. Ни того, ни другого у Сизова не оказалось, и он прождал тут час, пока компания веселых молодых флорентинцев не заправила его бесплатно.

Во Флоренцию Сизов въезжал по набережной Арно. Эта горная река встретила его еще среди холмов, провела мимо виноградников, под стены первых соборов, под черепичные крыши средневековых улочек. Сизов свернул на мост, на левый берег, – здесь стоял его отель «Феруччи», – но не остановился тут, а взлетел по мосту дальше от реки, выше на холм, где в пригороде, на роскошной вилле с апельсиновым садом томилась в заложницах его дочь.

6. Год 1934. Канал

Лето тридцать четвертого года выдалось в Подмоскowie дождливым, но теплым. Мириады комаров и мошек как будто давно ждали такого сочетания и появились тучами в самом начале июня, а потом множились с каждой неделей. В уходящем за горизонт глинистом и скользком котловане, где копошились одновременно сотни тысяч заключенных, стоял комариный зуд и глухой человеческий ропот.

Священник подмосковной Покровской церкви отец Троицкий подставил плечо под набухшую дождевой водой тачку, полную синей блестящей глины, – чтобы ее колесо не сорвалось с досок и не увязло, – и сполз на спине рядом с ней. Следующий поднимавшийся за ним зэк толкал вверх свою тачку метрах в ста, и у священника оставалось минут пять, чтобы перевести дух и собраться силами для следующего рывка, – теперь через бровку канала. Отец Троицкий в свои сорок пять лет был невысокий, но жилистый и крепкий. Никогда раньше, даже в самые сытные времена, под его рясой не круглился мягкий животик.

Еще одна тачка глины через бровку означала еще ближе к выполнению нормы, – тогда вечером полная миска варева на нарах в бараке, недолгая радость сытого желудка и мертвый сон. Но жизнью было и это: в людской истории было побольше именно такого, чем лучшего.

На строительство канала Москва-Волга отца Троицкого привезли ранней весной, когда еще не полностью сошел снег, и земля не оттаяла. Но работа уже шла полным ходом. Лопаты были тогда бесполезны: били мерзлую глину кайлом и грузили в тачки руками. Летом стало легче, но пришли дожди и гнус.

С семи до шести, – и мокрые до нитки, скользкие от глины, уставшие до беспамятства, вереницы зэков вылезали из глубокого котлована и брели, согнувшись, вверх по проложенным для тачек доскам. Первые месяцы, когда о.Троицкий оглядывался на них, выходя на бровку канала, ему казалось, – он в древнем Египте, на строительстве пирамид, в рабстве у жестокого фараона. Библия еще не написана, Иисус Христос не рожден и не распят, и некому еще молиться, просить о милости и защите. Но это искушение и слабость были недолгими. Уже через несколько дней в его тело, привыкающее к тяжелой работе, вновь вернулся нестигаемый, как прежде, дух.

Миску с варевом из котла о.Троицкий принес к своим нарам, сел, и принуждая себя не торопиться, степенно поел. Одежда было мокрой, но свободного места, чтобы развесить ее у печи, уже не было, поэтому он аккуратно разложил ее рядом: ватник под себя, рубаху и рогожку от дождя повесил под доску верхней полки нар, над своей головой. Молитву начал вполголоса, стоя, но заканчивал про себя, уже лежа в ворохе влажного тряпья с закрытыми глазами.

Он заснул мгновенно, но его разбудили. Он спокойно выслушал просьбу, напрягая сонное внимание, и, не ответив, начал одеваться. Его просили прийти в соседний барак: там умер слепой мальчишка.

Это был еще один из тех, кто добровольно ослепил себя. О.Троицкому говорили о нем два дня назад, и он тогда только покачал головой. На этом канале, на этой жуткой каторге ослабевшие и не выполняющие нормы люди лишались положенной пайки, начинали голодать, слабели еще больше и мерли, как мухи. Эти «доходяги» оставались с утра одни в опустевшем бараке, а вечером, и так было чаще всего, на их местах устраивались уже другие.

Но некоторые ослабевшие зэки пробовали обмануть судьбу. А может, просто хотели получить единственный, хоть и последний в их жизни, день отдыха.

Использовали для этого доступный каждому зэку способ. Толкли «серу» головок от спичек, и на влажной тряпке прикладывали ее на ночь к глазам. Воспаление начиналось на вторую ночь. Слепли они полностью еще через две. После этого непосильная тяжелая работа действительно для многих заканчивалась.

Среди заключенных ходили упорные слухи, что слепых переводили куда-то на Волгу, и там они в рыбацких артелях вяжут теперь рыболовные сети. Но о.Троицкий сомневался в этом.

На всех этих несчастных не хватило бы на Волге ни ниток, ни мест в тесных избах рыбацких артелей.

Но очень часто в ослабевшем организме этих людей начинались осложнения, воспаление глаз переходило в гангрену, или во что-то еще, – врачей тут не было, – и приходила избавительница, скорая смерть.

Священник пришел вовремя. Мальчишка лет семнадцати, худенький и жалкий, лежал с открытыми, уже невидящими ничего синими глазами и часто дышал. По желтизне молодого лица, по дыханию священник узнал последнюю агонию. Через минуту подернутые красным воспалением глаза перестали моргать и только неподвижно глядели в дощатое «небо» многоэтажных нар. Священник положил руку на холодеющий лоб и начал тихо творить молитву. Соседние эки поднялись с нар и окружили его сзади. Закончив молитву, священник привычным движением пальцев прикрыл мальчишке красивые, но больше не нужные ему синие глаза.

– Кто-нибудь знает, куда сообщить его матери или отцу? – спросил он, не поворачиваясь. Сзади молчали.

– Идите все отдыхать. Он уже далеко. С ним теперь Господь.

Фамилия этого священника по паспорту была Троицкий, но в церковных кругах его знали, как иеромонаха Серафима, инока бывшего Чудова монастыря московского Кремля. Одновременно под этим монашеским именем и своей фамилией он проходил и в деле НКВД.

В 1917 году судьба Чудова монастыря и его монахов круто изменилась. Пушки большевиков, бившие по Кремлю с Воробьевых гор и с того места, где теперь высотка на Котельнической набережной, расшибли в кирпичную пыль и сожгли не только сам Чудов монастырь, но проломили крышу и купол упоминавшегося в этой повести соседнего Успенского собора. Вскоре в поруганный Кремль въехало революционное правительство, и его монахи скорбно и беззвучно рассеялись, как туман с Москва-реки.

Окончательно снесенный большевиками в тридцатом году, для постройки казармы гарнизона, Чудов монастырь, пережил бурную историю. Ее вехами были: бегство из его стен Лжедмитрия, – заключенного царя-Самозванца; умерщвление польскими захватчиками голодом в его подвалах Патриарха московского, святейшего Гермогена. Второй эпизод имеет прямое отношение к сюжету этой повести и судьбе иеромонаха Серафима, позже – заключенного Троицкого.

Патриарх Гермоген в истории России воплощает идеал патриотизма и беззаветного служения. Во время освободительного движения и осады московским людом Кремля и засевших в нем поляков, плененный Гермоген отказался призвать народ отойти от стен Кремля, и освободить попавших в ловушку захватчиков. За это Гермоген, второй Патриарх в истории России, был мученически умерщвлен оккупантами. В годы царствования Николая II был инициирован почин по возведению преподобного Гермогена в высочайший чин святого Русской Православной церкви. Это было важный и своевременный политический акт, учитывая надвигающуюся на Россию Первую мировую войну.

Исключительному и торжественному событию возведения Гермогена в чин святого предшествовала кропотливая и продолжительная работа с архивами, летописями и прочими документами из тех далеких времен. Простым смертным было важно узнать как можно больше о будущем святом и новом небожителе. На это историческое изыскание, почти на подвиг, тогдашний наместник Чудова монастыря благословил одного из своих любимцев, – иеромонаха Серафима. Кропотливая работа этого монаха стала причиной нахождения новых упоминаний о легендарной «Библиотеке Ивана Грозного» и клада с иконами в Успенском соборе.

Несколько лет работал иеромонах в богатейшей библиотеке монастыря, – ее уже давно нет, она сгорела в 1917 году. В срок, задолго до того дня, когда в Москву прибыл император Николай II, работа была завершена. 12 мая 1913 года Патриарх московский Гермоген был торжественно возведен к лику святых Православной церкви. После многочисленных служб во

всех соборах Москвы, перед отъездом в столицу, император Николай II пожелал лично беседовать с иеромонахом Серафимом, и именно так засвидетельствовал он ему свою монаршую благодарность.

Торжества прошли, и вскоре началась Вторая мировая война. Думы и заботы всех людей изменили свое направление, но иеромонах так и не вышел из вечных сумерек монастырского книгохранилища. Он чувствовал, что только слегка коснулся тайн кремлевского средневековья. Тысячи бесценных книг и рукописей дожидались тут последнего читателя, перед тем, как рассыпаться в прах в сырых подземельях или обернуться в пепел под снарядами красноармейцев.

Однако, самыми значительными находками иеромонаха, перевернувшими впоследствии его личную судьбу, и доставившие материал для этой повести, – были найденные им неопределенные ссылки на легендарную подземную «библиотеку Ивана Грозного».

Известно об этой библиотеке немного, но и это потрясает. Ядром этого собрания исторических документов и книг была библиотека византийского императора Константина III. С падением Византии библиотека была спасена и вывезена в Рим. Но она оставалась там недолго. С выходом принцессы Софьи Палеолог замуж за русского великого князя Ивана III, впоследствии царя-объединителя, – эта библиотека была включена в ее приданое и перевезена в Москву. К этому ядру стали примыкать затем новые и не менее знаменитые собрания, такие, например, как библиотека Ярослава Мудрого.

Во времена московских царей городские пожары были таким же средневековым бедствием, как бубонная чума. Во время пожаров московские деревянные избушки горели, как сухие берестяные грамоты, на которых купцы писали свои расписки. Один из таких пожаров, погубивших полгорода и даже часть Кремля, потряс царевну-иностранку, знавшую ранее только благородные каменные постройки. Начитанная и просвещенная царевна из-за боязни потерять свое бесценное приданое, распорядилась строить для ее книг подземное хранилище – своего рода бункер. Лучшим архитектором и строителем мог стать известный уже строительством Успенского собора, и лично ей знакомый в бытность ее жизни и обучения в Риме, – упоминавшийся в этой повести архитектор и инженер Аристотель Фьораванти.

Подземное книгохранилище для «библиотеки Ивана Грозного» было построено. Однако сам архитектор, по некоторым источникам, до этого не дожил. Он умер естественной смертью или был удушен в темнице, куда был заключен за попытку бегства из России, или погиб в военном походе. Достоверно неизвестно, это и породило впоследствии множество версий судьбы многочисленных, оставленных им якобы в Кремле тайников.

Подземелье, построенное Фьораванти, защитило библиотеку от многовековых войн, пожаров и смут. Но следы, или чертежи, или медные ключи от тяжелых кованых дверей, были навсегда утрачены для потомков. Но очень возможно, это и к счастью, потому что бесценные книги остаются там до сих пор.

К настоящему времени существует более 60 гипотез местоположения библиотеки-тайника. Изредка и теперь предпринимаются попытки найти библиотеку, но безрезультатно. Одним из тех, кто ближе всех подошел к раскрытию этой русской средневековой тайны, остался именно иеромонах Серафим, инок Чудова монастыря, а впоследствии заключенный Троицкий.

Архитектор и инженер из Болоньи Аристотель Фьораванти фактически бежал в Россию со своей родины, из Италии времен Ренессанса, обвиненный в изготовлении и сбыте фальшивой монеты. Проведя несколько месяцев в римской тюрьме, он был выпущен за отсутствием веских доказательств и воспользовался первой же возможностью, чтобы убраться из солнечной Италии. Возможность такая представилась случайно, но очень кстати. Посланец из далекой холодной России Семен Талбузин как раз подыскивал в Европе архитектора для постройки в

московском Кремле собора, – после того, как попытка строить его своими силами закончилась обвалом первых же двух этажей и гибелью нескольких каменщиков.

Сборы Аристотеля были краткими, если они вообще были из-за спешки. Начиналась зима, предстоял долгий санный путь по полудиким замерзшим просторам. Вот перевод, сделанный иеромонахом Серафимом с церковной кириллицы летописей тех времен, с его личными дополнениями и пояснениями.

«Шестидесятилетний Аристотель Фьораванти, знаменитый архитектор и искусный инженер, принял приглашение и отправился на службу в полудикую, холодную страну вместе с сыном Андреа и помощником Петром (в летописи: «паробком Петрушкой»). Жалование ему положили хорошее, десять рублей в месяц.

Он выбрал санный путь через Германию, Польшу, Минск, Смоленск, Вязму. Путешествие было тяжелым, но им удавалось покрывать до 100 верст в сутки. Через три месяца, 26 марта 1475, с Поклонной горы путешественники увидели Москву. На холме теснилась серая масса деревянных изб и строений, окружавших Кремль. Его некогда белокаменные стены и башни, построенные еще при Дмитрие Донском, совершенно обветшали, закоптились от многочисленных пожаров и были укреплены деревянными заплатами и подпорками. В городе не было и десятка каменных церквей, а общественных зданий не было вообще. Эта картина произвела тягостное впечатление на живших в солнечных городах Италии путешественников».

Можно вполне предположить, что Фьораванти обладал явной авантюристической жилкой. На это указывают и знакомства, которые он водил у себя на родине. Это и фальшивомонетчики, – связь с ними была вполне установлена при дознании, – и, главное, широко известный плейбой тех времен, герцог миланский. При прощании герцог попросил приятеля привезти ему из дикой России белых кречетов. Кроме женщин, разгула и рыцарства герцог миланский страстно увлекался охотой, – соколиной, в частности. Белые же соколы с русского севера были в то время, что арабские скакуны из Аравии. За этими кречетами Фьораванти ездил даже на студеное Белое море. Считается даже, что он был первым иностранцем, посетившим те далекие безлюдные места.

Сначала, разумеется, его путь лежал в град Владимир, ознакомиться с Владимирским собором, чтобы напитаться русским архитектурным вкусом. Только после этого, проникнув в то, что этот народ называл «лепотой», Фьораванти, вернувшись из дальних поездок, взялся за Успенский собор в Кремле. То, что у него получилось через два года, поразило всех тогда, поражает всех и сегодня. Великий и подлинный итальянский Ренессанс, сотворенный в те самые годы, когда жили и работали Леонардо да Винчи и Микеланджело, – и, главное, сотворенный посреди полудикой лесной страны.

Конечно, десять рублей в месяц золотом, – жалование неплохое, но домой, к солнышку, начало тянуть все сильнее. Сын Андреа подрос, уже заглядывался на местных русоволосых красавиц. Начал он и болтать неплохо по-московски, – так называли этот язык итальянцы, – пора было заняться его образованием. В тех краях, разумеется, где оно было возможно.

Но русский царь не отпустил домой Аристотеля Фьораванти.

На свою беду в России архитектор Фьораванти был еще и военный инженер: и фортификатор, и артиллерист. Поэтому, собираясь в поход на непокорных свободолюбивых новгородцев, царь Иван III взял с собой и его.

Историю земли русской и трагедию Новгорода мы не напишем, но те крохи, что сохранили летописи об этом персонаже нашей повести, все-таки упомянем.

В новгородском походе Фьораванти построил через полноводную реку Волхов наплавной мост. Это решило судьбу этой военной компании и тысяч несчастных новгородцев. Иван III, с подачи своего итальянского инженера, проявил явный креатив в экзекуциях: приговоренных к казне выводили на середину моста через студеный Волхов и толкали с шатких, дрожащих на

волнах бревен. Ледяные воды покрывали головы тысяч несчастных уже в пятидесяти метрах от моста.

После ужасов военных походов Фьораванти принял решение бежать из чужой страны. Последней каплей чаши его долготерпения стала казнь немецкого лекаря. Тот не сумел избежать от смертельного недуга одного из царских саtrapов и, естественно, получил по заслугам. Его голова слетела с шеи на Болотной площади, – неподалеку от современного кинотеатра «Ударник». Это гнилое место у реки всегда было местом казни. Тут позже слетела голова с плеч и у Степана Разина, а его тело еще несколько месяцев болталось там на столбе.

Бежать Аристотелю Фьораванти не удалось. Он был схвачен стрельцами и посажен в острог.

После этого случая фамилия Фьораванти почти не упоминается в исторических анналах. Достоверно известно, однако, что, выполняя данное им когда-то герцогу миланскому обещание, он ездил на север за белыми соколами, и добрался, по некоторым сведениям до Соловецких островов, став первым западноевропейцем, их посетившим.

И, наконец, последнее: он сопровождал царя Ивана III в походе против Тверского княжества в качестве инженера артиллериста. После этого не существует в русских источниках ни одного упоминания фамилии Фьораванти. Где и как окончил свою яркую и авантюрную жизнь этот итальянский гений по сей день неизвестно.

Иеромонах Серафим читал и перечитывал все эти тысячи и тысячи ветхих страниц, разбирая с великим трудом почерки неведомых древних летописцев. Но теперь он искал в них только упоминания и ссылки на фамилию Фьораванти. Иеромонах шел за этим архитектором, как гончий пес идет по следу осеннего зайчика. Но Серафима мало интересовали красоты времен Ренессанса. Он их осуждал и даже презирал, – за фривольности в изображении святейших для него образов. Забытая со времен античности «обнаженка» была возрождена именно в век Ренессанса, – по мнению иеромонаха, на грани богохульства, – и сразу по отношению ко всем библейским персонажам.

Иеромонаху Серафиму нужно было от итальянца Фьораванти лишь одно: упоминание о подземной «библиотеке Ивана Грозного». В ней должны были находиться бесценные свидетельства и документы, проливающие свет на темную историю раскола русской церкви, изменившего историю страны вплоть до наших дней. Он был уверен, что только раскол церкви стал причиной всех последовавших за этим российских несчастий. Найти библиотеку иеромонах мог, только собрав все, что оставил потомкам ее строитель, Аристотель Фьораванти. Любые мелочи, – чертежи, записки строителям, счета к оплате царской казной, обрывки писем. Но ничего из этого иеромонах в архивах не находил. Ни единого чертежа, ни единого письма.

Одно из последних упоминаний о Фьораванти, иеромонах Серафим обнаружил только через пять лет после начала своего кропотливого труда в кремлевских архивах. Это была краткая запись в писцовой книге московского острога. Она относилась примерно к 1504 году, то есть к шестому с чем-то году после приезда архитектора с сыном и их слугой в эту гостеприимную страну.

«Милостью царя нашего сей Фьораванти Аристотель из острога выпущен, однако под условие: за земляной вал, что вокруг Москвы, шагу не ступить, не то гнев царский – страшен будет. И чтобы готовился он к походу на нечестивый Тверь-город.

Парубка же, сына его Андреа, повелел царь отпустить с миром, куда пожелает уехать, выказывая тем милость Аристотелю. Приказал выдать из казны золотом на провоз и сына, и младой жены его, и слуги его Петрушки, до самой страны Италии. Препятствий на рогатках царь велел не чинить, и птицу ловчую – кречета белого числом десять, в клетки, – не отбирать, ибо есть это дар царев...».

К этой выцветшей странице был прикреплен деревянной шпилькой еще один листок. Несколько столетий назад последний читатель этих бумаг искал то же самое, что и Серафим, и тот выполнил за него последнюю работу. Листок был вырван из неизвестной и, видимо, давно пропавшей на российских внешних границах книги регистрации пограничных переходов – «рогаток», как их тогда называли.

«Пропущен за рогатку с повозками Фьораванти Андреа, с женой и слугой, путем в Италию, с птицей ловчей в клетки и скарбом домашним. Сундуками двумя увез он бумаги: с письменами и чертежами, – на языках нам неведомых, посему не уразумели оные. Пропустили все повозки с миром, как по цареву указу».

Прочитав эти строки, иеромонах Серафим, не спеша, аккуратно выписал их в свою тетрадь, тщательнее, чем прочие. После этого он закрыл все фолианты, все сшивки древних документов, с которыми работал последние месяцы, и расставил их в безукоризненном порядке по местам на полках. Возвращаться когда-либо в это книгохранилище он больше не намеревался. Работа его было завершена. Ключ теперь был в его руках. Следовало искать только замок. К несчастью, он находился за тысячи верст от Кремля, в стране Италии. Монах сжал нервными пальцами толстую тетрадь своих записей и поднялся из подвала в тесную келью.

7. Письмо кардиналов

Четвертый год в Европе бушевала Первая мировая война. Но к сентябрю семнадцатого года воюющие стороны обессилено закопались в хлюпающих водой окопах, – без снарядов, без провизии, без желания воевать. Иеромонах Серафим в эти годы служил панихиды в госпиталях, утешал вдов и матерей, отпевал заколоченные гробы у разверстых могил.

Множество раз он начинал писать свое послание, и каждый раз откладывал его в сторону. Писал он его на хорошем латинском языке, и адресатом был не кто иной, как Папа – глава Римской католической церкви.

Не заканчивал и откладывал он свое письмо потому, что не имел на это благословления наместника своего монастыря. Впервые в своей жизни он готовился переступить строгий монастырский Устав. У Православной и Католической церковью долгими веками тлела безмолвная, принципиальная, а потому не имеющая перспектив на примирение, тысячелетняя война. Обратиться православному монаху Серафиму к католическому Папе было все равно, как связаться русскому офицеру через голову вышестоящих – с императором воюющей против России Германии.

Но обратиться к Папе было необходимо. Распри и войны начинаются и заканчиваются, но дело Божие живет в веках.

Оставалось меньше месяца до того ноябрьского дня, когда снаряды большевиков разрушат родной Чудов монастырь, сожгут его библиотеку и архивы, погрузят Россию на полстолетия в кровавый безумный террор. Тогда-то и закончил иеромонах Серафим свое послание и, отмолившись всю ночь на коленях перед образами в своей келье, решил отправить его обычной городской почтой.

Написал иеромонах в своем письме в Ватикан подробно и много. Но мы пощадим внимание и время читателя, опустив церемонный латинский текст, приведя только важную для сюжета повести суть.

Иеромонах сначала, как и полагается, написал в Ватикан о Боге. Он сообщил Папе Римскому, что Бог один для всех человек и тварей земных и растений, и что Он не на небесах, а рядом с каждым, и даже внутри каждого. Он и Сам жив всеми нами, и это есть честь великая, что Он выбрал, оживив каждую отдельную особь, как бы поштучно, и даже именно ТЕБЯ, – а ведь мог и не выбрать тебя.

Иеромонах писал Папе еще многое в том же духе, потому что молвить подобное своему брату-монаху в монастыре – это высказать страшную ересь, за которую раньше бы на костер... А так он это писал как бы своему идейному врагу и мог себе позволить кое-что лишнее.

Пропустив из этого почти все, отметим лишь еще одно любопытное – про смерть.

«А смерть, – писал иеромонах, – то же, что и рождение, только лучше. Потому, что ты уже послужил Ему, – чем мог и как Его понял, – и предстоит теперь что-то новенькое. Походите по лесу, поживите в полях, заночуйте там среди диких зверей, – и вы обязательно поймете это своим сердцем».

Но когда, наконец, иеромонах перешел к своей просьбе он был краток:

«Великое несчастье обрушилось на русскую землю несколько веков назад: раскол нашей Православной церкви. Раскол народа русского пред лицом единого Бога привел к скорбным событиям последних месяцев, когда брат поднял меч на брата, а сын на отца... Ключ от погребели Руси покоится в земле московского Кремля, в архивах утерянной библиотеки царя Ивана Грозного. Поэтому, Ваше преосвященство, во имя Бога нашего Иисуса Христа, молю Вас велеть своим прелатам разыскать в Ваших землях архивы и записи архитектора Фьораванти, что вывезены его сыном Андреа из Московии пять веков назад. В двух его сундуках, в чертежах и бумагах, тайна подземной библиотеки Ивана Грозного; но также, – и есть в этом моя полная

уверенность, – иных тайников, им устроенных в Кремле для спасения бесценных культурных сокровищ от смут и лихолетий...

Ваше преосвященство, имею дерзость Вам напомнить, что местоположение оставленных в Кремле тайников великий сын земли Вашей Фьораванти оставил потомкам, вне сомнений, в скрытом виде, не доступном для глаз всякого любопытствующего. Шифры, укрывающие оставленные им тайны, по сложности могут быть достойны его гения...».

Но продолжалась Первая мировая война, она вяло тянулась еще несколько лет. Обыкновенные почтовые конверты, если еще и ходили по истерзанной Европе, то находили своих адресатов крайне редко. Однако письмо, на конверте которого было написано размытыми дождями чернилами: «Рим. Ватикан. Главе Римской католической церкви», – не дойти по адресу, хоть когда-нибудь, просто не могло. Однако Папа это письмо никогда лично не прочел.

Письмо, как и положено, поступило в священный секретариат Ватикана. Тут его внимательно просмотрели и... отложили в особый реестр, с тысячами других подобных писем – от буддистов, мусульман, иудеев. Тысячи и тысячи писем на разных языках поступали Папе со всего мира от частных лиц. Ответы на них, как правило, не посылались. Более, чем достаточно, считалось, еженедельное обращение Папы ко всем верующим в Единого Бога с балкона своей резиденции на площади святого Петра в Риме.

Письмо иеромонаха Серафима пролежало среди тысяч ему подобных из «последних поступлений» ровно пятнадцать лет. Отгремела Первая мировая, затем Россию со стоном накрыла и обескровила волна Гражданской войны, после этого крепко забила в ее землю осинный кол сталинская коллективизация. К тому времени уже были загублены в концлагерях миллионы невинных жизней, в их числе монахи и монахини, священники всех исповеданий, – потому что большевики помнили крылатые ленинские слова: «чем больше мы расстреляем этих господ, тем лучше».

Однако эти печальные события, на удивление, мало заботили просвещенный передовой Запад, – у него самого забот хватало с разразившимся в конце двадцатых экономическим кризисом, да и многие западные интеллектуалы умилялись бодрым песням и маршам страны диктатуры пролетариата.

Однако массовое убийство христианского духовенства вызвало явную озабоченность и тревогу в Ватикане. Католические ксендзы западных советских земель мерли в колымских лагерях даже быстрее православных попов.

Святая Католическая церковь воспринимала вести о российских ужасах с озабоченностью, но спокойно. За свою тысячелетнюю историю у нее самой бывали времена, о которых эта церковь предпочитала не вспоминать. Только в XII-ом веке в малолюдной в те времена Европе на кострах инквизиции было ею сожжено до 500 человек, не считая крючьев и всяких жомов, с которыми число несчастных доходило до 50-ти тысяч. Церковь с печалью узнавала в колымских ужасах свое далекое детство. Однако на дворе стоял не XII век, а XX-ый, и предпринять что-то было совершенно необходимо. Но спасти жизнь несчастных священников было уже поздно, нужно было спасти только Веру и Церковь.

Мудрые кардиналы, которые занялись этим вопросом, справедливо понимали, что красные комиссары ни в грош не ставят ни их самих, ни Ватикан, ни любовь даже к отеческим гробам. Идеологические и моральные ценности строителей коммунизма были диаметрально противоположны этому. Но диалог с ними был необходим и срочен. Поэтому годилась любая наживка.

Тогда-то и вспомнили о тайниках Фьораванти в московском Кремле. Тысячелетие эта Церковь регистрировала любые, даже мнимые, сообщения об утерянных святынях и церковных ценностях в особых анналах, и эти документы занимали уже подвалы. Красные комиссары в те годы занимались индустриализацией, – за копейки продавая для этого сокровища Эрми-

тажа и даже хлеб, обрекая на голод и смерть миллионы сограждан. Деньги, золото, – вот, что могло спасти в тот момент от коммунистов Веру.

Письмо иеромонаха Чудова монастыря Серафима было найдено, и к полудню следующего дня нужный рескрипт составлен. К началу вечерней мессы синклит кардиналов его подписал, и по окончании мессы Папа, уже покидая собор, одним кивком головы, с доброй улыбкой на устах, – благословил его.

В ту же ночь десяток писцов-монахов строчили уже сотни рескриптов с факсимильной подписью главы Церкви, – всем настоятелям монастырей, всем мэрам итальянских городов.

«Святой престол призывает всех верующих в Иисуса Христа и пресвятую Троицу разыскать во вверенных вам архивах любые ссылки на имя Аристотеля Фьораванти или сына его Андреа. Да поможет вам Божие Провидение и Дух Святой. Во имя Иисуса Христа и Святой Богородицы. Аминь».

Первые отклики начали поступать уже через неделю. Но, к сожалению, многими тысячами. Выделить нужное среди множества упоминаний разных Фьораванти, накопившихся за века, даже монахам Ватикана оказалось нелегко. Через месяц круг сузился и начал стягиваться вокруг архивов монастырей Милана, Болоньи и Флоренции. Наконец, во славу Господа нашего, то, что искала Католическая церковь, было найдено, – во Флоренции. Весь архив семьи Фьораванти, на возах, в спешке, вместе с сотнями прочих был вывезен к стенам этого города с севера, во время начала военных действий в Альпах против австрийцев в Первую мировую войну.

Когда в Ватикан поступили из Флоренции выписки из архива Фьораванти, касавшиеся найденных следов библиотеки царя Ивана Грозного, святые отцы подготовили обращение к революционному руководству Красной России. Однако, хорошо и удачно начатое дело поисков утерянных сокровищ московского Кремля, было загублено незначительным, казалось бы, но роковым обстоятельством. В Ватикане в тот год не оказалось никого, знавшего достаточно хорошо русский язык, чтобы перевести на него письмо на латыни. Письмо за факсимильной подписью Папы римского на имя вождя всех народов Иосифа Сталина поручили перевести польскому монаху. Этот монах не только плохо знал и чувствовал русский язык, но, а это самое главное, как и многие поляки в те годы, – он ненавидел русских. Это и стало трагической ошибкой для судьбы всего дела, и для личной судьбы иеромонаха Серафима.

Однако письмо из Ватикана на великолепной грациозной латыни, с его копией на отвратительном и вульгарно-разговорном русском языке, не только не затерялись в секретариате генсека партии большевиков, а сразу легло на стол вождя в его кремлевском кабинете.

Сталин не читал по латыни, хотя и учился в отрочестве в духовной семинарии. Он сразу взял в руки русский перевод польского ксендза.

Иосиф Сталин узнал поляка по первым же русским буквам, и его брови нахмурились. Не прошло и десятка лет, как его самого и его командарма Тухачевского, а с ними и их коммунистическую заразу, польские патриоты вышвырнули со своей земли к общеевропейскому позору. Но Сталин, как это известно, личных обид никогда не прощал.

Сталин стал читать: «Ваши старые королевы оставили в земле Кремля превеликие богатства. Ваш монах Серафим возжелал разыскать их, о чем писал нам давеча и просил о помощи...»

Сталин даже не стал дочитывать и с отвращением отбросил письмо в сторону. Когда в кабинет вошел по звонку его помощник Поскребышев, он, отвлекшись от карты генплана строительства Магнитки, только бросил тому:

- Что за гадость?
- Из Ватикана, товарищ Сталин.
- Совсем из ума старцы выжили.
- Что прикажете ответить?
- Что хочешь. Только матом.

– Неудобно, Иосиф Виссарионович, – ведь святые отцы...

– Тогда по-польски и ответь. Все. А этот перевод письма – в работу.

Когда Поскребышев подошел за бумагой ближе к столу, Сталин чиркнул по ней жирным красным карандашом:

«Наркому Ягоде. Вам следует больше интересоваться бомбами, зарытыми врагами народа в земле Кремля, чем средневековыми кладами. Примите меры. И. Сталин».

Шеф НКВД тех лет нарком Ягода, прочитав размашистую резолюцию знакомым красным карандашом, только нервно сглотнул. Сам Ягода не смел писать собственные резолюции на своих смертоносных бумагах красным карандашом. Когда его секретарша срочно подготовила ему под диктовку приказ, Ягода только пробежал его глазами и аккуратным почерком подписал. Чтобы добавить личной большевистской страсти, он еще и чиркнул снизу, но только синим карандашом: «Срочно. Разыскать и выбить».

Иеромонаху Серафиму сказочно повезло в 17-м году. После разорения большевиками Кремля и всех его монастырей, он больше года скитался с сумой среди тысяч монахов и монашек, оставшихся без крова над головой, как и он. С укреплением «правопорядка» этих портящих вид своим скорбным видом чернецов стали незаметно ссылать, а потом и тысячами расстреливать, как «чуждых элементов». Серафим избежал их судьбы, и даже популярного в первые годы советского террора – «перевоспитания» на Соловках.

Поэтому чекисты нашли Серафима быстро, уже через неделю. Тому незачем было скрываться. Он теперь служил Богу обыкновенным священником в Покровской церкви близ одноименной станции по Курской железной дороге, в двадцати верстах от Лубянской площади. В бумагах он значился под своей мирской фамилией Троицкий, но прихожане звали его по-прежнему отцом Серафимом.

Приехали чекисты за ним, как обычно в те годы, под самое утро, – по такому расписанию ходили и перегруженные работой «воронки». Но оказалось, Троицкий не спал, а служил в храме заутреню. В церкви – полно народа, но и дожидаться конца службы не положено: и график «воронков» срывается, и вообще «религия – опиум для народа», а тут его столько. Взяли Троицкого прямо в церкви, перед Царскими вратами, под иконостасом. После этого чекисты крикнули с амвона, чтобы все расходились, мол, шпион ваш священник. Народ потоптался-потоптался и тихо вышел вон из церкви. Ведь совсем недавно при таком же народе по всей стране иконы жгли и рубили, – и тогда никто не пикнул.

Усталого следователя на Лубянке интересовали только контакты Троицкого с агентами Ватикана. Ни о каких кладах в земле или в стенах Кремля речь ни разу всерьез не зашла, и упоминались они лишь попутно, по ходу дознания, причем с сильным польским «выговором», – как они и значились в переводе письма кардиналов. Самого письма, и даже его польского перевода, у следователя тоже не было, только переписанная от руки, и с ошибками, копия. Поэтому отец Серафим ответ из Ватикана на свое письмо никогда в своей жизни не увидел, а только понял, что святые отцы откликнулись на его давнее послание.

Ответить на все вопросы следователя отец Серафим так и не смог: про агентов ничего он не знал, про клады, разумеется, тоже. Следователь был опытный, он здраво рассудил, что православный иеромонах и священник навряд ли стал бы якшаться с неверными католиками. Скорее всего, судя по языку перевода письма, это была грубая провокация польских ксендзов. Но в резолюции наркома Ягоды было ясно сказано: «выбить».

Отца Серафима привезли на Лубянку в серой рясе, другой личной одежды у него и не было никогда. Однако в те годы бить человека в рясе рука так легко еще не поднималась. Сам следователь до семнадцатого года крестил себе лоб, причащался у такого же священника и целовал ему рукав после этого. Решили не бить.

Это и припомнили следователю, в числе прочего, через несколько лет, в тридцать седьмом году, когда за очередным начальником наркомата в могилу последовали и все его подруч-

ные. Самого следователя в тридцать седьмом били целую неделю так, что когда повели расстреливать, – в подвале приземистого здания, что позади памятника первопечатнику Федорову на Охотном ряду, – то обоим исполнителям пришлось его поддерживать за руки.

Но до этого оставалось еще несколько лет, а пока разворачивалась грандиозная стройка канала Москва-Волга. Да и следователь был новатором, недаром он потом так быстро поднялся в замы к своему наркому. Он первым придумал, в порядке «убеждения», одевать на голову подследственного обрезанную камеру от шины грузовика. С одного конца резиновая камера была зашита и проклеена. Натягивалась она плотно на голову и завязывалась веревкой на горле. «Убеждение» действовало меньше, чем через минуту, и без всякого грубого мордобоя. Правда, не всегда, – но только по причине слабого здоровья подследственного, поэтому применялось выборочно и с осторожностью. Но отец Серафим был жилистым и крепким, и в нем были все уверены. Девяносто лет спустя этот способ получения показаний широко потом применялся американцами в Ираке, с одним лишь технологическим новшеством: на голову надевался легкий полиэтиленовый пакет. Но было это придумано не тогда, и не ими.

Только отцу Серафиму все равно нечего было рассказать следователю, даже под пыткой. Он молился вслух, пока хватало воздуха под грязной резиновой камерой, потом молился про себя. Он просил Господа Бога только об одном: чтобы Он сам встретил его. Господь не услышал Серафима: священник терял сознание, нестерпимая боль в груди уходила, и голова его бессильно падала на грудь. Но через час он вновь оживал.

Следователю это скоро надоело, и времени у него тоже не оставалось. Он сам накатыл священнику «чистосердечное признание», – про связи с агентами Ватикана, про идеологическое вредительство и про политическую диверсию. Когда отец Серафим в очередной раз пришел в себя, и с него сняли резиновую камеру, он, не глядя, подписал эту бумагу.

Следователь с облегчением сдал дело в суд. «Тройка» рассмотрела его уже через два дня, дала Серафиму обычную «десятку» без права переписки и оправала на великую стройку канала Москва-Волга.

Иеромонах Серафим, он же заключенный Троицкий, до торжественного открытия канала Москва-Волга не дожил нескольких дней. Погиб он именно из-за этой торжественности: на открытие канала ожидалось высшие государственные чины. Лагерное начальство боялось малейшего «шороха» со стороны своих «воспитуемых» – эти «вохры» и сами ходили по лезвию. Начали они припоминать всех, кто завоевал уважение и влияние среди заключенных на этом участке канала. Серафим оказался в этом списке первым. Он же был еще и монах.

На следующее утро отца Серафима расстреляли «для порядка», аккуратно записав в амбарной книге, – «за тлетворное влияние». Похоронили его в общей могиле, у канала, близ села Запрудье.

8. «Дело» отца Серафима

Обоих, отца Серафима и его следователя, расстреляли в тридцатых годах, но «дело», над которым они тяжело трудились, осталось лежать на тесных полках архива наркомата на Лубянской площади. С годами НКВД переименовали в МГБ, затем в КГБ. Сняли и затем расстреляли, – последовательно, Сталиным, потом Хрущевым, – всех их трех шефов с подручными. Но «дело» священника Троицкого так и стояло на своей полке. Проходили десятилетия, грохотали войны, «делалась» история страны, менялся даже ее народ, но «дело» неподвижно стояло на полке, как будто дожидаясь кого-то.

С каждым годом, с каждым поворотом «истории», каждая бумажка в этой пухлой папке с выцветшими чернильными надписями становилась все ценнее. Наконец, рухнула даже семидесятилетняя социалистическая страна, но «дело» даже не покосилось на своей полке. Зато каждая его бумажка стала цениться «на вес золота». Ведь в этой папке лежало подлинное письмо святых отцов Ватикана почти столетней давности. Там лежал нескладный, но очень интересный перевод этого письма с латыни с собственноручной резолюцией «отца народов» Иосифа Сталина, – красным карандашом. Там лежал и автограф наркома Ягоды на другом приказе, – синим карандашом. «Дело» превратилось за девяносто лет в исторический уникум и баснословную долларовую ценность.

Но в этой папке лежало кое-что еще, стоившее в миллионы раз дороже исторических автографов. В бумагах этого «дела», с различимым лишь немецкой овчаркой запахом ладана из Ватикана, выцветшими сиреневыми чернилами, очень смутно и неясно, но вполне определенно для опытного глаза, было сказано на латыни, где и как искать тайники, устроенные полтысячелетия тому назад в московском Кремле. Тайники, оставленные потомкам, очень дальновидными людьми того времени: царями Иваном III, с сыном Иваном Грозным, и их архитектором Аристотелем Фьораванти, тоже со своим сыном, – Андреа.

Страна с сокращенным названием «СССР» рухнула под тяжестью побед и преступлений, накопившихся за десятки лет, и древний московский Кремль снова ожил, вновь став резиденцией главы государства, как и было при старых царях. Президент – не царь, но почти. Поэтому одним из первых, но, по-видимому, важнейшим «указом» нового кремлевского жителя, стало открытие широким жестом, – для всех желающих или просто любопытных, для всех пострадавших и репрессированных, или их потомкам, – всех архивов и на всех полках печальных хранилищ Лубянской площади.

Одним из первых, кто вошел в эти тихие и страшные своей кармой хранилища, был молодой, но бледный лицом, ученый историк Вадим Сизов. Произошло это в самом начале девяностых годов. Он уже защитил свою первую диссертацию, работал над второй, знал многие древние языки, и по-прежнему интересовался только европейским средневековьем. Казалось бы, на Лубянке он терял только время. Или еще хуже, удовлетворял праздное любопытство. Ни то и ни другое.

В архивах КГБ молодой историк Сизов не только видел, читал, но и трогал собственными руками, чувствовал даже этот запах – натурального средневековья. Это был бесценный опыт. Как если бы вновь первым войти в египетскую подземную камеру с мумией фараона Тутанхамона, со всей ее упокойной обстановкой.

Но Вадим Сизов робел лишь в первое свое посещение лубянских архивов. Со второго раза он уже без дрожи в пальцах снимал с полок «дела» и без содрогания вчитывался в протоколы допросов. Он уже раньше читал подобное, правда по латыни или на старогерманском. Там порой описывалось и пострашнее, особенно, если знать устройство тогдашних орудий пыток.

Вскоре нужный для докторской диссертации материал был собран. Обнаружилась несомненная аналогия между красным революционным менталитетом и европейским средневе-

ковым, и еще странная и необъяснимая склонность человека к саморазрушению. В последнее свое посещение лубяnskих архивов Сизов наткнулся на «дело» священника Троицкого. Наткнулся не случайно, – его еще интересовала проблема «Бог и террор», потому что поиски Бога во все времена сопровождались человеческими жертвоприношениями. В «деле Троицкого» Сизов неожиданно обнаружил письмо римских кардиналов из Ватикана. Он пробежал его быстро по латыни и побледнел еще больше. Затем он сделал с письма за подписью Папы рукописную копию.

Случилось так, что Сизов в архивы Лубянки больше не пришел, занят был своим средневековьем и диссертацией. Так, в трудах и заботах, протекли еще двадцать лет. Рукописная копия письма из Ватикана легла в дальний ящик стола историка и затерялась в бумагах. Вновь эта копия попала ему на глаза совершенно случайно, при уничтожении заваливших тесную квартирку историка бумаг, – при уборке, начатой только по настоянию его повзрослевшей дочери.

Теперь, по прошествии почти двадцати лет, он взглянул на эту копию совсем по-другому. Теперь у него было и времени больше, и знаний, и опыта. Как в первый раз, он бегло просмотрел латинские строчки и опять сильно побледнел. Только в этот раз он догадался – об архиве какого именно Фьораванти могли писать римские кардиналы в Москву православному священнику.

В эту ночь Сизов не мог долго заснуть: его мучил стыд, что он не понял этого двадцать лет назад, и такой важный факт не стал уже тогда известен мировой исторической науке. Поэтому уже через три дня его статья была готова. Для нее он сделал очень грамотный русский перевод римского письма и кратко изложил свои мысли обо всем этом. Сизов не был из тех, кто зубами держался за свои открытия, ревниво оберегая свое авторское право. Его интересовала только «правда», он был настоящим ученым.

Сделав еще перевод своей статьи на английский, он, не задумываясь, направил все это со своего домашнего компьютера в один серьезный исторический Интернет-журнал. В опубликованной им в Интернете статье он полностью приводил найденное в архивах КГБ письмо римских кардиналов на латыни, напоминал читателю, кем был архитектор Фьораванти, и почему его архивы могли быть так важны для истории России. И только в двух словах он упомянул о главном: о многовековых поисках легендарной подземной библиотеки Ивана Грозного.

9. Рубикон Сизова и Черкизова

Черкизов узнал про статью Сизова об архиве Фьораванти от своей секретарши. В ее обязанности входил систематический просмотр в Интернете ссылок о московском Кремле и его хозяйственных объектах. Это была рутинная работа. Как правило, ничего нового о древнем московском Кремле в Интернете не появлялось. Но в это утро в поисковике на первом месте вдруг оказалась незнакомая новая ссылка: «Кремль, Фьораванти, царь Иван Грозный...».

Как только секретарша принесла Черкизову кофе, – а тот редко теперь завтракал в своей новой холостяцкой квартире, – удержаться она долго не смогла и почти сразу выпалила ему служебную новость. Черкизов как раз отхлебывал кофе из чашки, когда она сказала ему это. Он поперхнулся и закашлялся: он слышал эту итальянскую фамилию последний раз двадцать лет назад, от своего знакомого-паркетчика. Наконец, откашлявшись и приняв нормальный вид, он в своей обычной шутиливой манере попросил секретаршу срочно распечатать ему статью целиком.

О тайнике с двумя иконами Андрея Рублева в толстых стенах Успенского собора Черкизов не то, чтобы забыл, но вспоминал как-то мельком все последние двадцать лет, и только когда заходила речь об этом соборе по работе. Тогда, – но не в жаркой бане, а провожая флорентинца в аэропорту, – он спустил этот вопрос «на тормозах», вежливо дав понять, что такой откровенный криминал не для него, и чтобы тот больше об этом не заговаривал.

Единственное, о чем Черкизов изредка все-таки думал, – откуда тот итальянец, или его люди, узнали не только о тайнике, но и что в нем находится. Даже точно, по штукам. Этого Черкизов в последние дни их расставания не сумел выудить у флорентинца, как он ни хитрил. По-видимому, исторический источник этих сведений стоил тех двух икон Рублева, как ключ стоит своего замка.

Статья легла на стол Черкизова уже через десять минут, но читать он ее начал только вечером, приехав домой. После одинокого ужина Черкизов сел в кресло и в первый раз развернул распечатку. В квартире было тихо и пусто. С женой он разошелся еще пять лет назад, дочка осталась с матерью, а сын давно жил отдельно. Постоянной любовницы у него не было, – они как-то у него не приживались, – а кошкой или собакой тут не было, кем заниматься.

Черкизов с трудом погружался в смысл статьи, написанным сухим, но точным языком историка. Затем он принялся за показавшийся ему еще более сложным перевод письма кардиналов. Прочитав это, Черкизов почувствовал некоторое разочарование: причем тут Иван Грозный? Все оставалось таким же путанным и неясным, как и прочие домыслы, накопившиеся за столетия.

Но архив семьи Фьораванти найден, и это был факт. И найден в том городе, где жил его старый итальянский приятель – хозяин паркетной фирмы, крупный краснодеревщик. От него Черкизов получил когда-то в виде «отката» первые серьезные деньги. Он же потом, перед своим отъездом, и попросился в Успенский собор, и что-то там обмерял и стучал по стенам. Он же и сделал Черкизову предложение, от которого, правда, тот легко отказался: ломом выковырять из стен Успенского собора две иконы работы Андрея Рублева. Почему две? И сразу Андрея Рублева? Он что, узнал это из бумаг архива? Неужели там все так прямо и написано? Чудеса... На каком же языке? Небось, если самому туда поехать – ничего и не разберешь? И Черкизов начал припоминать все подробности их последнего серьезного разговора в бане перед прощальным ужином в ресторане гостиницы «Россия».

Тогда он легко отказался от этого. У него самого уже имелись серьезные деньги, – два миллиона, – он даже не знал, что и делать с такими деньжищами. Тогда он и не был «кремлевской шишкой», чтобы безопасно шарить по древним стенам, или суметь это организовать для кого-то.

Сколько же это может сейчас стоить? Десять миллионов, сто? К этому вечеру у самого Черкизова денег уже почти не осталось. Во время семейных скандалов, предшествовавших их разводу, жена называла его «вором», «взяточником», «коррупционером», грозила заявить о деньгах в суде, и даже передать их кому следовало со своих счетов. В результате, однако, жена потребовала себе при разводе половину всех денег, а поскольку все они – или их остатки, – лежали на ее имя в итальянском банке, Черкизов не смог ей ничего возразить.

Затем ему пришлось купить новую, приличную для его статуса квартиру, да еще помочь с жильем женившемуся сыну, в результате, денег у него почти не осталось. Во всяком случае, «серьезных» денег, к которым он как-то привык. Это первое. А второе, – он теперь стал именно «кремлевской шишкой», и организовать поиски в соборе было ему сейчас делом несложным.

Черкизов отбросил статью на журнальный столик и включил телевизор. Но какую бы программу он ни включил, в глазах только бессмысленно рябило, а мысли отскакивали назад. Если сам он еще ничего не решил, то что-то другое в нем уже крепко взяло его в свои руки и не отпускало.

«Этот историк, как его, Сизов, – думал Черкизов, – небось, очень захочет поехать в итальянский архив, раз он этим занимается? Наверняка. Да еще за деньги. И паркетчик, пожалуй, не будет тогда мне нужен. Или нужен? Человек он все-таки свой и уже кое-что знает... Да, пожалуй, и присмотрит за этим историком, если чего: городишка, наверное, небольшой, все друг-друга знают... Да и зачем мне столько денег? Тем более, в тайнике их как раз две штуки... Одну мне, другую ему. Может, тогда историк этот мне не нужен, – раз у паркетчика все схвачено? Нет, тоже нужен. Уточнит хоть все, чтобы не стучать, как тогда, опять по всем стенам. Или накопает что-нибудь про ту подземную библиотеку. Тогда нам еще слава и почет...»

В статье Сизова был указан, как это принято, электронный адрес автора. На следующий день Черкизов отправил по этому адресу всего несколько строк. Не из офиса, – было бы глупо и опасно, – и не из дома, у него не было тут даже компьютера, а сходил на почту, заплатил и отправил: «Заинтересовался вашей статьей. Есть предложение. Позвоните», – далее следовал номер его мобильного телефона.

Историк Сизов не ожидал столь быстрой реакции на свою статью: в исторической науке все делалось со скоростью черепахи. До вечера он выдержал, но вернувшись домой из института, собравшись духом и мыслями, позвонил.

Сначала он со своей обычной застенчивостью, и слегка заикаясь на «э», представился Черкизову, но потом, полагая, что этого достаточно, просто замолчал.

– Алло! Вы на связи? Алло! – крикнул в трубку Черкизов. – Да, да, у меня к вам есть предложение.

– Я вас слушаю.

– Вы хотите поехать в архивы Флоренции? Я вам все оплачу.

– Что я должен там э-э... найти?

Теперь замолчал ненадолго сам Черкизов.

– ... Это не для телефонного разговора. Нам надо встретиться. Оплатой услуг, я думаю, вы останетесь довольны. Завтра сможете?

– Хорошо, завтра.

Положив телефонную трубку, Сизов задумался. Кто он такой? Какой-нибудь «олигарх»? Польстился на библиотеку Ивана Грозного? Или скандальный и богатый журналист, почувывший сенсацию? Да ради бога! Такой шанс выпадает раз в жизни... Кто бы он ни был, – хоть черт, – только бы все оплатил, я-то что-нибудь там да найду!

Их первая встреча произошла в недорогом и скромном кафе. Черкизов предложил заказать полный ужин, но Сизов отказался и попросил себе только чаю.

После первого телефонного разговора Черкизов весь день до их встречи размышлял, что бы такое сказать историку, чтобы и правду сказать, что ему от него нужно, и чтобы не открыть

самого главного. Но ничего из этого у него не вышло. Поэтому вечером он говорил обо всем Сизову путано и неясно.

– Так что вам конкретно в этом архиве нужно? – спросил, наконец, Сизов, допивая чай и не поняв главного из путанных речей собеседника.

– Первое, – решил на все Черкизов, – узнать про подземную библиотеку царя Ивана Грозного.

– Теперь мне ясно. У вас есть и второе?

– Узнать о других тайниках этого Фьораванти.

– А они есть?

– Есть, – сказал жестко Черкизов. Он даже обозлился, что пришлось все главное выложить этому типу при первой же встрече.

– Что скажете о деньгах? – спросил историк, будто пропустив мимо ушей самое главное.

– Хорошие командировочные. А затем, в случае успеха, очень крупная премия.

– Я должен буду взять с собою дочь. Мне нужна там помощница, и вообще...

– Согласен. Сколько это может занять у вас времени – работа в архиве?

Сизов только усмехнулся и развел руками:

– Э-э... от одних суток и до ста лет. Не устраивает?

– Нет. Две недели. Самое большее – три.

– Постараюсь. Но вы же э-э... взрослый человек.

Когда они расстались, каждый был чем-то недоволен. Черкизов ожидал большей скромности и покладистости от бедного историка. Сизова же насторожил сильный запах криминала, который он безошибочно почувствовал. Расстались они в неопределенности: историк оставил за собой сутки на размышление, пообещав позвонить в любом случае.

Пока Сизов добирался на городском транспорте домой, он думал о главном: насколько он сможет контролировать ситуацию в случае «успеха», если действительно найдет что-нибудь, представляющее материальную ценность. Первым аргументом «за» было следующее: в Кремле есть высокие стены и могучая президентская охрана, и рассчитывать выкопать из его земли и украсть что-нибудь – верх глупости. Вторым же было: зная работу с архивами, он не рассчитывал найти там что-нибудь более ценное, чем несколько новых исторических фактов, которые оценят лишь в научном сообществе, и всего несколько человек. И даже если он что-нибудь найдет там более «ценное», ему не придется обманывать «спонсора». Он просто сначала по-быстрому напишет об этом статью и пошлет ее в Интернет-журнал, прямо из Флоренции. Конечно, обязательно назовет имя этого «спонсора» и поблагодарит его за материальную помощь. А премия в случае открытия «библиотеки», о которой упоминал «спонсор», ему вовсе не обязательна. Никакая премия не сможет тогда сравниться с тем ошеломляющим научным успехом, – открытием тайны библиотеки. Это было бы, как найти нетронутую гробницу египетского фараона. И даже круче!

Но деньги были ему нужны, – в них историк Сизов давно и сильно нуждался. Когда-то, в советские еще времена, доктор наук и профессор Сизов был, как ученый, одним из самых высокооплачиваемых людей в своей стране. С тех времен, как воспоминание об этом, у него осталась лишь ржавая «шестерка» в гараже, на которой он почти не ездил: не хватало терпения стоять в нынешних московских пробках, и жалко было денег, чтобы платить за бензин, стоивший, к его изумлению, как молоко. Поэтому, провести пару недель летом с дочерью в прекрасной Флоренции – о таком он мог только мечтать всю оставшуюся жизнь.

Поразмышляв в этих направлениях весь следующий день, Сизов вечером позвонил.

– Я согласен, – сказал коротко он. – Как нам оформить визы?

– Я вам все сделаю. Готовы вылететь через неделю?

– Да.

10. В гостях

Сам Черкизов полетел в Италию уже через два дня, на выходные. Он вылетел в Рим в пятницу после обеда, и к утру следующего дня, на автобусе, добрался до Флоренции.

Когда он позвонил своему флорентийскому другу три дня назад, тот его сразу узнал, но они с трудом могли понять друг друга. Разговаривали на чужом для обоих английском, да еще Черкизов пытался одними намеками, чтобы не подслушали, напомнить паркетчику про их разговор в бане двадцать лет назад. Но тот, в конце концов, к облегчению Черкизова, все понял и сообразил. Даже его голос как-то сразу изменился: из вежливого и отстраненного, стал сразу искренним и свойским.

– Давай, давай! – закончил тот, вспомнив русские слова со стройки, – Я тебя встречай.

Следующий раз Черкизов позвонил ему уже из аэропорта Рима: как добраться? И вот действительно, ранним утром, приехав на автобусную станцию Флоренции, Черкизов увидел своего давнего друга, теперь толстого и лысого.

Друг повез Черкизова сразу к себе домой на новенькой «Альфа-Ромео». Ехали быстро, и, покрутив головой перед окнами машины, гость сразу понял, что попал в какое-то необыкновенное место.

Друг жил на другой стороне реки. Взлетели на мост, с него на холм, Черкизов взглянул в боковое окно и чуть ни ахнул. Весь старый город лежал теперь под ними: черепичные средневековые крыши вперемежку с прекрасными соборами и башнями из светлого мрамора. За городом, в сиреновой дымке летнего утра, поднимались горы, зеленые и столь же прекрасные. Такой удивительной красоты Черкизов нигде и никогда не видал.

В доме паркетчика, несмотря на ранний час, их ждал накрытый стол. Это был просторный особняк среди фруктового сада. От машины они шли к особняку виноградником с наливающимися гроздьями. После дальней дороги, и чтобы окончательно проснуться после ночи в автобусе, Черкизов сразу принял предложение освежиться под душем. Ванна здесь была, как римская терма, – мраморная, с мозаичным полом. Но он не полез в джакузи, а поплескался под простым душем, – и хорош. Свеженьким Черкизов сел за стол.

За столом они оказались одни, – и вообще Черкизов никого из домашних тут не увидел: только охранники снаружи, да несколько бесшумных слуг внутри. Но ни о какой серьезной совместной выпивке, как в старые добрые времена, тем более о баньке, уже и речи не могло быть: у флорентийского друга давненько пошаливала печень. Старый друг только слегка пригубил бокал сладкого шампанского «Dolce». И вообще, Черкизов с легким удивлением заметил какую-то перемену в его характере. Уже не было в нем той знакомой типично итальянской живости, – что-то в этом флорентинце надломилось. Черкизов с сожалением заметил это, и отнес все к зрелым годам, к болезни и жаркому итальянскому климату. Настоящую причину грусти друга он понял много позже: когда историк Сизов уже работал в архивах Флоренции. Знал бы Черкизов причину раньше – не привез бы сюда историка с дочерью, и сам ни за что больше не приехал.

Черкизов ничего не ел с самой Москвы и самолета, поэтому с удовольствием навернул: всяких сыров и холодного мяса тут был полный стол, одних сортов маринованных маслин – пять видов. Несмотря на ранний час, он не удержался и запивал эту роскошную итальянскую снедь любимым с давних пор кьянти. Ощувив в животе и голове приятную негу, он откинулся на спинку стула и без паузы перешел к своему делу.

– Дорогой, надо бы нам с тобой найти в Кремле те две иконы. Как ты думаешь?

– Отчего нет! – их разговор шел на английском.

– Мой человек, профессор истории, скоро сюда прилетит поработать в ваших архивах. И ты знаешь в чьих? Семьи архитектора Фьораванти, – и Черкизов остро, но с улыбкой, в упор посмотрел на друга.

Паркетчик, встретив этот взгляд, дрогнул губами, отвел глаза, но потом весело рассмеялся.

– Зачем тогда я тебе нужен?

– Как зачем! Ты мой старый друг. Разве нет? Как же я без тебя!

– Расскажи, расскажи.

– Пока рассказывать нечего. Вот если бы ты нам все свое рассказал! Что же моему профессору перелопачивать все архивы, раз ты знаешь, что у вас, да где! Объединим наши знания. Чтобы не стучать больше по стенам напрасно. Ну, как идея?

– Можно. Что ж... – но ожидаемого энтузиазма в своем друге Черкизов не заметил. Какой-то вялый стал его друг.

– Так покажешь моему профессору, где искать? А он еще что-нибудь нам накопает. Тогда одна икона – твоя, когда вынем, а другая – моя.

– Сможешь вынуть?

– Теперь смогу. Раньше нет

– Большим начальником стал?

– Так, кое-каким. Да вот деньги у меня кончились.

– Это бывает. Давай, давай, – опять по-русски закончил итальянец.

Осматривать достопримечательности города Черкизов поехал без друга, но с нанятым им русскоязычным гидом, и на другой его машине, в открытом кабриолете "Ланча" с шофером.

После сытного завтрака с бутылкой выпитого кьянти этот город показался Черкизову совсем фантастическим.

Ужин у друга был не менее обильным, но кратким: в шесть утра нужно было выезжать Черкизову в Рим, к самолету. Обычно не пившей теперь много Черкизов, в этот вечер себя не сдерживал. Кьянти он перемежал с коньяками, закусывая их, просто бросая в рот маслину. Почти все было сказано между ними утром, оставалось только договориться о прилете профессора с дочерью, о размещении их в отеле: сам Черкизов прилететь вместе с ними не планировал.

К девяти часам Черкизов с трудом уже ворочал языком на своем тяжелом английском, и ноги у него подкашивались. Года сказывались и на нем: раньше он мог принять на грудь куда больше...

Самое важное итальянец сказал Черкизову в конце ужина, когда тот не смог воспринять это, как следовало. Это и стало причиной всей трагедии.

– Передай своему профессору, – медленно и отчетливо сказал итальянец, – и сам имей это в виду, местоположение тайника в архивах, возможно, зашифровано. Не знаю кем. И многие страницы архива утеряны. Только поэтому нам не удалось узнать все до конца.

– Шифр? Ребус? Это ничего, мы это любим. Ты еще нас, русских, не знаешь!

– И еще одно. Очень важное. Может, ты передумал, пока не поздно. Я уже не свободен, как раньше. Мою фирму контролируют. Я больше не хозяин.

– Вот это плохо. Надо все и всегда контролировать. Но ничего, они нам и не нужны – твои новые хозяева. Кто они?

– Мафия.

Рано утром на рассвете Черкизова разбудил слуга и проводил его в душ. Выпив лишь стакан грейпфрутового сока, Черкизов медленно оделся. У подъезда его ждал знакомый ему кабриолет «Ланча», но верх у него теперь был поднят. Друг вышел в сад его проводить, и на прощание они без слов обнялись. Как только машина тронулась, Черкизов опять провалился в тяжелый похмельный сон.

11. Миланская «семья»

На том же левом берегу реки Арно, но только дальше от города и вглубь холмов Тосканы, стояла другая вилла. Она была еще просторнее, сады вокруг нее шире, и она была еще более старинная. Когда-то она принадлежала потомкам самого знатного рода Флоренции: Медичи. Несколько лет назад эта вилла была куплена у потомков Медичи потомком рода не столь знаменитого, но тоже известного в Италии, и носившего титул «герцога миланского». Италия – не Англия, но титулы и аристократические фамилии здесь тоже любят и ценят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.